

Э. СЕТОН-ТОМПСОН

КРЭГ – КУТЕНЕЙСКИЙ БАРАН

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«МАЛЫШ» • 1974

Annotation

О суровой природе гор, об удивительных животных, населяющих скалистые утесы, и о роковом противостоянии старого охотника Скотти с горным бараном по имени Крэг увлекательно повествует известный писатель-анималист Э. Сетон-Томпсон. Для младшего школьного возраста.

- [Эрнест Сетон-Томпсон](#)
  - [I](#)
  - [II](#)
  - [III](#)
  - [IV](#)
  - [V](#)
  - [VI](#)
  - [VII](#)
  - [VIII](#)
  - [IX](#)
  - [X](#)
  - [XI](#)
  - [XII](#)
  - [XIII](#)
  - [XIV](#)
  - [XV](#)
  - [XVI](#)
  - [XVII](#)
  - [XVIII](#)
  - [XIX](#)
  - [Об издании](#)
-

Эрнест Сетон-Томпсон
Крэг — кутенейский баран

Э. СЕТОН-ТОМПСОН

КРЭГ-
КУТЕНЕЙСКИЙ
БАРАН

Рисунки Т. Никольского

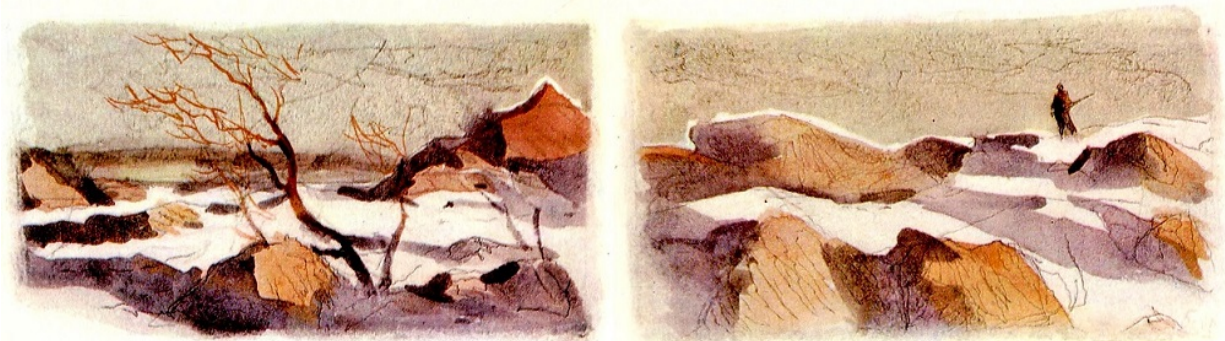
ИЗДАТЕЛЬСТВО „МАЛЫШ“, МОСКВА • 1974

По большой, широкой шелковистой паутине, отливающей серебром, длинными гроздьями были разбросаны переплетающиеся гирлянды светло-лиловых, почти белых цветов. Цветы эти были сотканы из таких нежных и бледных шелковистых волокон, что даже сама паутина казалась белой. Две тонкие золотые нити, то сплетаясь, то расходясь, тянулись поперёк, теряясь внутри шелковистой ткани и вновь появляясь на её поверхности...

Вдали, на северо-западе, расстилается передо мной волнистое плоскогорье. Горная весна щедро разукрасила серые и красные утёсы полосами ярких, роскошных цветов. Горная весна — самая роскошная в мире: только после мрака свет ощущается во всей своей силе, и там, где зимы не бывает, не может быть и весны. В этой стране природа замирает на целых шесть месяцев долгой, суровой зимы. Зато она торопится с появлением весны щедро вознаградить за прошлое, рассыпает, точно из огромного рога изобилия, свои дары! И весна, чудная, пышная, проявляется во всей своей красе и убирает горный кряж цветами.

Даже мрачный Гендер-Пик, торчащий на северном конце хребта, кажется как будто немного приветливее. Плоскогорье сияет, усыпанное самыми разнообразными цветами. Эти цветы в других местах достигают своего полного развития в течение шести месяцев, здесь они вырастают в один месяц. У наших ног и дальше видны широкие пространства, покрытые красными цветами лупинуса. Они рассеяны кучками вблизи и точно растягиваются вдаль неправильными, прерывистыми, пурпурными полосками, которые потом как будто сливаются, становятся гуще и шире и на далёких склонах лежат длинными красными пятнами, похожие на окутывающие их пурпуровые облака.

Однако хотя май уже приближается к концу, но дует холодный ветер и ночью лужи покрываются ледяной корой. Такой ветер здесь называется «Белым ветром». Густые облака сползают с вершин и несут

снег, засыпающий вершушки утёсов, плоскогорье и цветы, его покрывающие. Мало-помалу вид местности изменяется. Всё словно покрывается инеем, становится попеременно то серым, то белым, и цветы исчезают под этим однообразным зимним покровом. Однако лупинусы на своих высоких, крепких стеблях могут бороться со снегом. Сначала они склоняют свои, словно напудренные, белые головки под тяжестью снежного покрова, но затем благодаря ветру, сдувающему снег, они снова гордо выпрямляются, как и подобает цветам, одетым в пурпур. Но вот метель кончается так же внезапно, как и началась, тучи исчезают, показывается синее небо, и солнечные лучи освещают ослепительное белое пространство, по которому рассыпаны яркие блёстки и протягиваются полосы прелестных пурпурных цветов.

А поперёк этого пространства, убранного цветами, виднеются два длинных ряда чьих-то следов.

II

По свежему снегу легче выслеживать дичь, и потому Скотти Мак Дугалл взял ружьё и стал взбираться на холмы, расположенные позади его хижины, возле Табачного ручья. Он направлялся к хорошо известным Овечьим горам. Широкое белое пространство, усеянное пятнами красных цветов, не привлекало внимания Скотти до тех пор, пока он не увидел двойного следа на свежеснеженном снегу. С первого же взгляда он узнал, что тут прошли две взрослые самки горных баранов. Скотти довольно долго шёл по их следам и решил, что они были чем-то встревожены, хотя и не обнаруживали страха. По-видимому, они тут проходили около часа тому назад. Они блуждали, переходя от одного убежища к другому, ложась отдыхать на минуту и тотчас же опять вставая и отправляясь дальше. Наверно, они не были голодны, так как обильная пища кругом осталась нетронутой.

Скотти осторожно подвигался вперёд, стараясь, не покидая из виду следов, держаться от них на некотором расстоянии. И вдруг, обогнув скалистый утёс, он увидел перед собой небольшую, усеянную лупинусами лощину, в середине которой прыгали две овцы.

Охотник поднял ружьё, и, конечно, одна или даже обе овцы были бы убиты. Но прежде чем спустить курок, он увидел случайно двух маленьких новорождённых ягнят. Ягнята, поднявшись на своих длинных и ещё слабых ножках, очевидно, не знали, что им делать: следовать ли за убежавшими матерями или идти навстречу новому пришельцу, который, быть может, хочет им помочь?

Старые овцы громко и пронзительно заблеяли в сильнейшем испуге и побежали назад к своим детёнышам. Минутная нерешительность ягнят исчезла. Они точно почувствовали, что должны спешить к тем, кто похож на них своим видом, и спокойно повернули в сторону своих матерей, следуя за ними на своих дрожащих, слабых ножках.

Разумеется, охотник мог бы подстрелить любую из овец или даже их всех вместе, так как они находились на расстоянии всего каких-нибудь двадцати шагов от него. Но почти у каждого охотника существует бессознательное стремление захватить животных живьём. Поэтому Скотти, даже не размышляя о том, что он будет делать с ними дальше, но видя, что поймать их нетрудно, поставил ружьё в безопасном месте, возле утёса, и побежал вдогонку за ягнятами.

Однако испуганные матери успели, по-видимому, внушить тревогу и своим детёнышам, и малютки уже более не сомневались, что им надо остерегаться чужестранца. Когда Скотти ринулся за ними, они впервые в жизни почувствовали, что находятся в опасности. Они прожили на земле не больше часа, но природа одарила их уже с самого рождения целым рядом очень важных инстинктов, и хотя ножки их были гораздо слабее, чем ноги взрослого человека, но ягнята вывёртывались из-под рук Скотти, и он никак не мог их поймать.

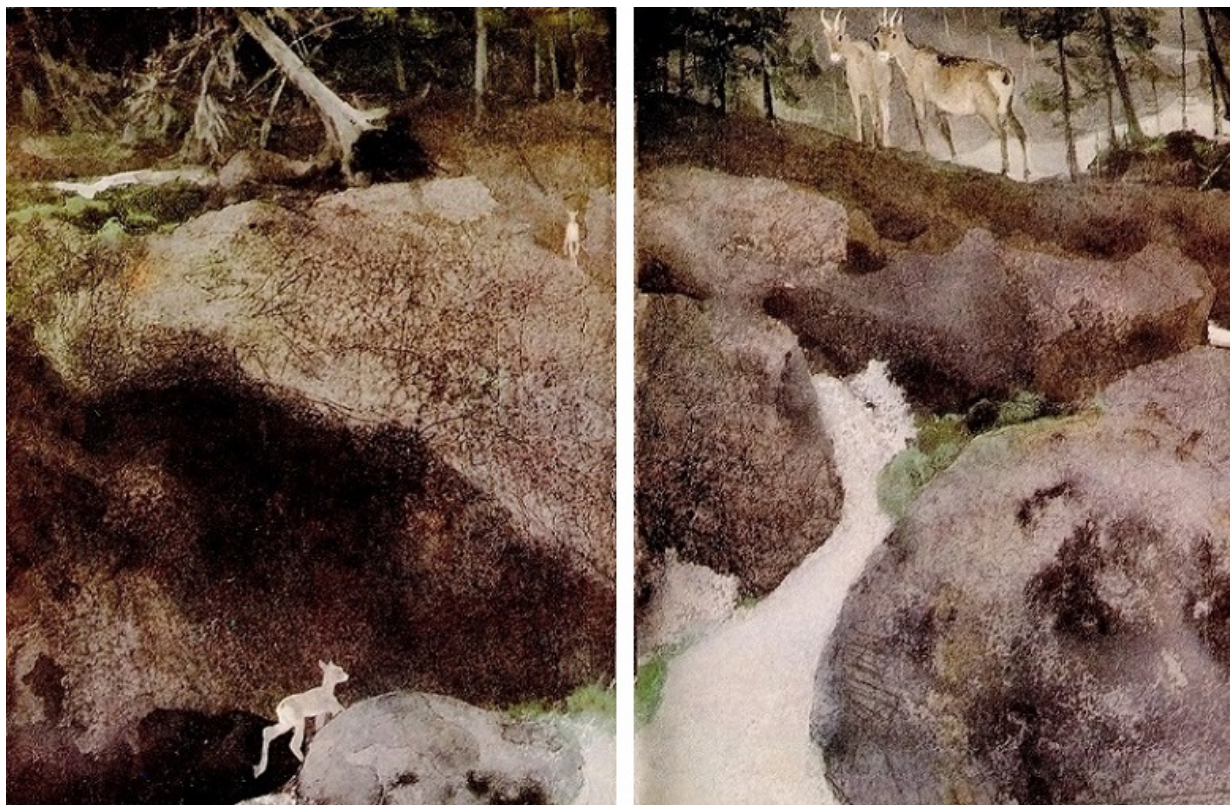
Между тем старые овцы, бегая кругом, жалобно блеяли, заставляя своих ягнят торопиться. Скотти, продолжая свою погоню, пугал их всё больше, и они изо всех сил работали своими слабыми ножками, чтобы поскорее прибежать к матерям и укрыться от опасного врага.

Скотти мчался за ними, спотыкаясь и скользя по камням, не раз почти касался рукой одного из них, но всё-таки никак не мог схватить его. Однако робкие овцы сумели ловко повернуть эту погоню в другую сторону. Они покинули поляну, поросшую лупинусами, и, когда ягнята почувствовали под своими ногами твёрдую гладкую почву, они почти забыли свою усталость. А Скотти продолжал гнаться за ними, сначала по одному направлению, а потом по другому. Он не сразу понял хитрость старых овец и сообразил только тогда, когда они достигли подножия Гендер-Пика, обрывистого, крутого, скалистого выступа. Старые овцы быстро помчались по склону вверх.

А ягнята сразу почувствовали в себе прилив каких-то новых сил, словно маленькие утята, впервые попавшие в воду. Их маленькие, чёрные, упругие копытца карабкались по скользким скалам, где не могла удержаться нога человека. Ягнята, словно на крыльях, неслись вверх, на горы, всё ещё руководимые своими матерями, уже исчезнувшими из виду.

Счастье для них, что у Скотти не было ружья в руках в то время, потому что ему нетрудно было бы застрелить ягнёнка на расстоянии ста шагов. Он побежал назад за своим ружьём, но не мог уже нанести им никакого вреда, потому что с вершины утёса вдруг спустилась пелена густого тумана, скрывшая их из виду.

Охотник остановился перед скалой и, взирая на неё, с некоторым восхищением пробормотал:

— Этакie маленькие быстроногие чертенята!.. Ведь всего лишь какой-нибудь час тому назад родились на свет, а я уже не мог догнать их!

Теперь он понимал, почему замеченные им раньше следы старых овец говорили об их беспокойстве: овцы искали укромного местечка,

где можно было бы спокойно родить.

Весь остальной день Скотти охотился, но безуспешно, и, наконец, вернулся вечером домой, усталый и голодный.

III

Горные овцы не живут постоянно среди обрывистых утёсов. Они там только спасаются в минуту опасности. Овцы, загнанные туда охотником, были запуганы и в следующие недели старались уже не выходить на открытые места, когда паслись, и не покидать своего безопасного убежища среди скал.

Ягнята были крепкой, хорошей породы, росли быстро и уже через неделю так окрепли, что могли следовать повсюду за старыми овцами. И вот однажды появилась пантера и согнала стадо с горы вниз, в долину.

Снег, покрывавший долину в день рождения ягнят, исчез окончательно, и холмы покрылись разноцветным ковром трав и цветов. Ягнята весело помахивали коротенькими хвостиками, пощипывая сочную травку.

Один из ягнят, с очень белым носиком, отличался плотным сложением. А его товарищ, немного более высокий и стройный, был замечателен тем, что уже через несколько дней после рождения у него появились на лбу маленькие зачатки рогов.

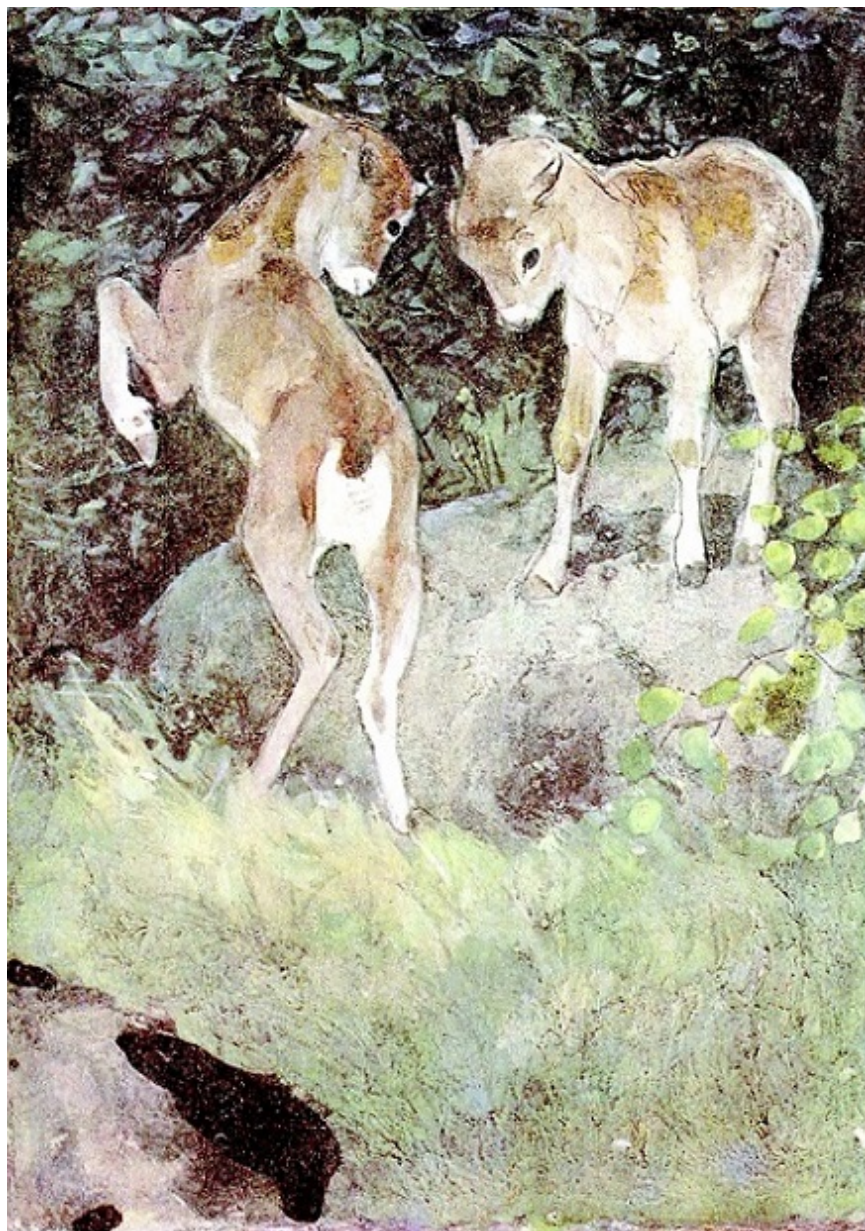
Они весело резвились по целым дням возле своих матерей, бегали взапуски, прыгали, скакали, боролись друг с другом. Один побежит вперёд, а другой за ним и старается боднуть его в бок. Если же им удавалось найти какой-нибудь удобный холмик, они тотчас же затевали старую, распространённую по всему миру игру в нападающих и защищающихся. Один из них взбирался на холм. Он стучал копытцами и мотал головкой для устрашения. Ягнята отгибали назад свои коротенькие розовые ушки и прижимали лбами друг к другу круглые, шерстистые головки, стараясь придать свирепое выражение своим кротким глазкам. Они толкали друг друга до тех пор, пока один из них не падал на колени, точно прося пощады. Но тотчас же, упавши, снова вскакивал на ноги и бежал на другой холмик, где останавливался с самым вызывающим видом, топоча ножками и мотая головой. Это на их языке означало вызов. И борьба снова возобновлялась.

Во всех этих стычках Белоносик обыкновенно побеждал, так как был тяжелее Рогатого. Но Рогатый зато быстрее бегал. Он был

неутомим и мог прыгать и возиться с самого утра до вечера, не чувствуя, по-видимому, никакой усталости.

Ночью ягнята спали, крепко прижавшись к своим матерям, в каком-нибудь укромном уголке, откуда они могли видеть или, вернее, чувствовать восход солнца. Рогатый, самый подвижной из всей семьи, всегда вскакивал на ноги первый. Белоносик был ленив и неохотно вставал утром, потягиваясь и выгибая спину. Он, обыкновенно, последний из всей семьи начинал дневную деятельность. Его снежно-белый носик заканчивался такой же белой переносицей, как у всех овец с большими рогами, но только эта белая полоса была ещё белее и шире, чем обыкновенно. Она была так соблазнительна, что Рогатый никогда не мог удержаться, чтобы не боднуть его при первом удобном случае в это самое место. И он бывал в восторге, если ему удавалось утром дать знатный толчок своему товарищу в эту красивую белую полоску и заставить его сразу вскочить на ноги.

Горные бараны обыкновенно собираются стадами. Чем больше стадо, тем больше глаз для того, чтобы вовремя заметить опасность. Но охотники в Кутенейской области — энергичные люди, и самый неутомимый из них был Скотти. Крыша его хижины была сплошь украшена рогами самых красивых баранов, а внутри завалена грудями бараньих шкур, ожидающих, когда их отвезут на рынок. Благодаря такой усердной охоте, стада большерогих баранов сильно поредели в этой местности, и осталось лишь несколько небольших стад. Самое

крупное из них состояло не более как из тридцати голов, а попадались и такие, в которых насчитывалось не более трёх или четырёх.

Раза два в течение первой половины июня старик Скотти, с ружьём наготове, переходил Овечий хребет, отыскивая добычу. Но всякий раз одна из проворных матерей-овец издалека замечала его и либо тотчас же обращалась в бегство, либо особым, коротким фырканием предупреждала других об опасности. Тогда овцы и бараны застывали на месте, словно камни, и обманывали этим охотников. В таких случаях малейшее движение означало бы верную смерть. Но когда враг исчезал из виду, они быстро убегали в самую отдалённую часть горного хребта.

Но однажды овцы, огибая утёс, внезапно почували какой то незнакомый запах. Они остановились, чтобы узнать, в чём дело. Вдруг со скалы соскочило какое-то большое тёмное животное и бросилось на овцу, мать Белоносика.

Рогатый и его мать убежали в ужасе, а росомаха — так назывался зверь, напавший на них, — загрызла мать Белоносика. Но прежде чем начать пировать, она набросилась на Белоносика, который стоял ошеломлённый всем случившимся, и безжалостно уложила его рядом с его мёртвой матерью.

IV

Мать Рогатого была породистая овца. У неё были более длинные и более острые рога, чем у обыкновенных овец. Кроме того, она обладала хорошим чутьём и большой сметливостью.

Область Табачного ручья становилась опаснее для овец с каждым месяцем, в особенности из-за охотника Скотти. И мать Рогатого решила перебраться куда-нибудь в другое место. Утреннее трагическое происшествие с её подругой-овцой только укрепило это намерение.

Она быстро сбежала по склону Гендер-Пика. Но прежде чем подняться на какой-нибудь выступ, она останавливалась и осматривалась кругом, неподвижная, точно каменная глыба, покрытая лишаями. В таком положении она оставалась с минуту или две, и, только убедившись, что никакая опасность не угрожает ей, овца продолжала дальше свой путь. Ягнёнок следовал за ней.

Однажды она увидела в горах, позади себя, какую-то чёрную движущуюся фигуру. Это был старый охотник Скотти. Она была совершенно на виду у него, но тотчас же замерла в полной неподвижности, и он не разглядел её среди окружающих камней. Но как только он скрылся за скалой, она бросилась бежать ещё скорее, чем прежде, а маленький ягнёнок старался поспевать за ней.

На каждом возвышении овца останавливалась и осматривалась, но, не видя нигде ни врагов, ни друзей, спокойно продолжала дальше свой путь. Она бежала всё медленнее, так как опасные места остались далеко позади.

Под вечер, когда она взбиралась на Якиникекский горный хребет, она заметила впереди, на одной возвышенности, какие-то движущиеся точки. После продолжительного наблюдения она убедилась, что это были бараны, серые с белыми полосами на ногах и такими же белыми пятнами на мордах и на заду. Они шли по ветру. Однако, из предосторожности, она постаралась не показываться и, перейдя дорогу, отыскала их следы и удостоверилась, что её предположение было правильным. Это были действительно следы двух больших баранов. По обычаю горных овечьих стад, овцы с ягнятами живут отдельно от баранов. Они сходятся вместе только ранней зимой, когда наступает время для выведения потомства.

Мать Рогатого, или Остророгая, как мы будем называть её, покинула найденные ею следы и пошла дальше по хребту, довольная сделанным ею открытием. Она теперь знала, что попала в овечью область. Проведя ночь в ущелье, она на следующее утро продолжала своё путешествие, кормясь по дороге травой, растущей в углублениях между камнями. Вдруг она почуяла какой-то запах. Запах этот заставил её приостановиться. Но затем она осторожно пошла дальше, по тому направлению, откуда доносился к ней этот запах. Скоро она увидела пересекающиеся следы и узнала по ним, что поблизости находилось стадо овец и ягнят. И она тотчас же пошла по этим следам, сопровождаемая Рогатым, который всё ещё грустил по погибшему товарищу, но не отставал от своей матери ни на шаг.

Через несколько минут она действительно увидела стадо овец. Их было около двенадцати, вместе с ягнятами, и они были той же породы, как она. Остророгая увидела овец раньше, чем они её заметили, так как она находилась на верхушке скалы. Но когда Рогатый выставил свою круглую головку, чтобы посмотреть, его движение обратило на себя внимание одной из сторожевых овец в стаде. Эта овца тотчас же дала сигнал тревоги, и всё стадо мгновенно сделалось неподвижным, словно камни, держа нос по ветру. Теперь наступило время Остророгой

показаться им, и она шагнула вперёд, чтобы быть на виду у них. Стадо сбежало с холма и тотчас же повернуло влево, а Остророгая со своим ягнёнком пошли направо.

Теперь их положение по отношению к направлению ветра изменилось. Раньше она могла чують запах овец, а теперь, наоборот, они почуяли её запах. Рассмотрев её издали, овцы убедились, что имеют дело с такой же овцой. Остророгая осторожно приближалась к ним, и наконец, овца, предводительница стада, пошла к ней навстречу. Они обнюхивали воздух и смотрели в упор друг на друга. Овца-предводительница вдруг топнула ногой, и тотчас же Остророгая приготовилась к бою.

Обе овцы приближались друг к другу, нагнув головы, и наконец стукнулись лбами. Но Остророгая так изловчилась при этом, что один из острых концов её рогов задел ухо противницы. Это было очень неприятно, и поэтому овца отскочила назад, громко фыркнув. Поняв, что преимущество находится на стороне новоприбывшей, она вернулась к своему стаду, раскачивая головой.

Остророгая спокойно пошла за нею вместе с Рогатым, который прижался к ней и с недоумением смотрел на то, что происходило. Стадо повернуло и побежало, но затем, описав круг, вернулось назад. Остророгая продолжала стоять неподвижно на своём месте. Овцы её окружили, и она была принята в их среду. Такова была церемония приёма в стадо нового члена.

Однако Рогатому пришлось самому установить свои отношения со стадом. Там было семь или восемь ягнят, и большинство из них были старше его и, подобно многим другим животным, склонны были преследовать чужого только потому, что он был чужой. Рогатый понял это, когда почувствовал сзади неожиданный удар. Он любил подшучивать подобным образом с Белоносиком, и тогда это казалось ему очень забавным. Но тут это не было забавным, а напротив, даже

очень неприятно, потому что, когда он поворачивался к своему врагу, он немедленно получал удар сзади от другого. Как он ни вертелся, а всегда находился какой-нибудь ягнёнок, готовый воспользоваться случаем и боднуть его сзади. Бедняк Рогатый в конце концов вынужден был искать убежища возле своей матери, чтобы избежать этих толчков и ударов.

Остророгая, конечно, готова была защищать своего ягнёнка, но всё же он не мог всё время находиться возле неё, и поэтому первый день его пребывания в стаде был не особенно приятен. Но зато другие ягнята очень веселились. Рогатый был так ошеломлён своим новым

положением, что решительно не знал, как ему быть. Его проворство и ловкость мало помогали ему против столь многочисленных врагов.

На следующее утро ему стало ясно, что ягнята собираются ещё больше позабавиться на его счёт. Самый большой из них, плотный, маленький и неуклюжий баран, ещё не имел рогов, но можно было заранее угадать, что когда они у него вырастут, то будут такими же толстыми, кривыми и неуклюжими, как он сам. Поэтому, заглядывая вперёд, мы можем уже теперь назвать его Криворогом. Вот этот самый ягнёнок подкрался к Рогатому утром, в тот самый миг, когда тот, проснувшись, стал подниматься на ноги, выпрямляя раньше свои задние ноги, как это обыкновенно делают овцы и бараны. Криворог понатужился и очень больно боднул его сзади. Рогатый свалился, но тотчас же вскочил и яростно набросился на своего противника. Их маленькие головки столкнулись с таким шумом, точно два шара. Каждый из них надеялся выйти победителем из этого поединка, и они стали бодать друг друга куда попало, то в голову, то в бок. Сначала Рогатый вынужден был отступить, но вскоре преимущество оказалось на его стороне. Отростки рогов, которые были у него необыкновенно развиты, оказали ему услугу на этот раз, и забияка, получив от него несколько здоровых пинков в бок, бежал с поля битвы. Остальные товарищи Криворога, стоявшие кругом и смотревшие на это состязание, приняли победителя в свою компанию. Рогатый сделался их товарищем, и его перестали преследовать.

Если какая-нибудь курица или какая-нибудь корова появится впервые на скотном дворе, она прежде всего должна показать, какое место она может занять среди прежних обитателей и обитательниц двора. Это место должно соответствовать её способностям. Для каждого пришельца всегда найдётся подходящее место, но пока оно не определится окончательно, до тех пор его жизнь будет сплошным рядом битв.

Конечно, физическая сила, мужество и проворство играют большую роль у животных, но иногда ещё большее значение имеют ум и находчивость. Кто бывает предводителем стада диких животных? Далеко не всегда это самый сильный и воинственный из них, а лишь самый умный и находчивый. Сильный и воинственный может гнать остальных, но не может руководить ими. Вожак стада не выбирается, как это бывает у людей, но становится им, благодаря тем свойствам,

которые выделяют его из среды других и внушают всем убеждение, что именно ему следует подчиняться ради собственной пользы и безопасности. Таким образом, все добровольно повинуются одному.

У многих родов животных, живущих стадами, вожаками бывают не самые сильные самцы, а старые самки, много раз доказавшие своё мужество и находчивость и внушившие полное доверие к своим способностям всем остальным членам общины. Это особенно часто наблюдается у лосей, буйволов и в летних стадах горных баранов.

Стадо на Гендер-Пике состояло из шести или семи овец с ягнятами. Трое или четверо из них были уже годовалыми, а один двухлетний баран очень гордился своими рогами, напомилавшими своим видом рога каменного козла. Он был самый большой в стаде, но не занимал в нём главного места. Вожаком стада была старая, рассудительная овца, не та, которая пробовала состязаться с Остророгой, а другая, совсем небольшого роста, с короткими тупыми рогами. Это была мать Криворога, маленького забияки.

Овцы вполне полагались на её ум и находчивость, и шли за ней. Их никто не принуждал ей повиноваться, но они были уверены, что слушаться её нужно для их собственной безопасности. Если бы они давали друг другу имена, то, наверное, назвали бы её Мудрой, поэтому и мы будем так называть её.

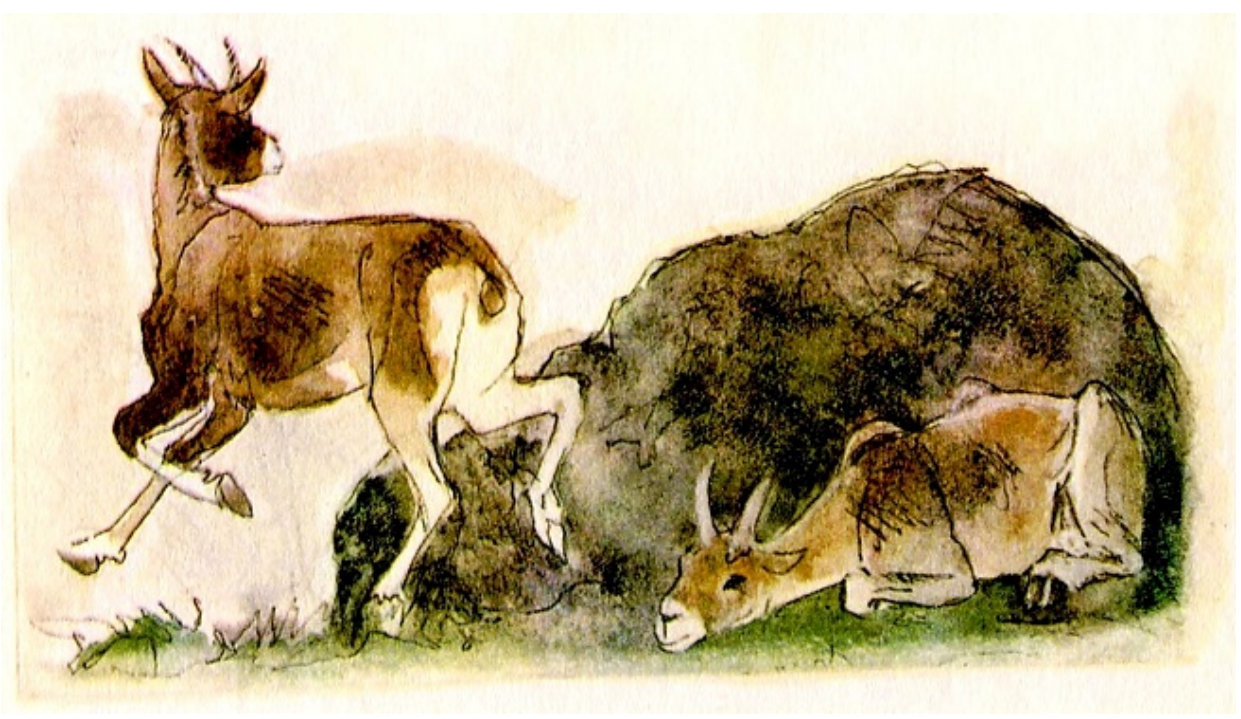
Остророгая была очень проворной овцой. Она обладала спокойной рассудительностью, острым зрением, чутьём и слухом. Она всегда была осторожна и постоянно наблюдала за всем, что происходило кругом. Через каждые три шага она поднимала голову и осматривалась. Если она замечала какой-нибудь движущийся предмет, она не переставала наблюдать за ним до тех пор, пока не уясняла себе, в чём дело. И тогда, если тут не заключалось никакой опасности, она принималась снова спокойно щипать траву. Если же ей удавалось заметить что-нибудь опасное, она издавала звук, похожий на сопение, и это было сигналом, заставлявшим всех мгновенно превращаться в камни. Конечно, она делала только то, что делали все овцы, но делала это лучше других. Мудрая, которая считалась вожаком стада, была почти так же наблюдательна, а иной раз даже раньше её замечала некоторые вещи. Притом она лучше Остророгой была знакома с местными условиями. Но по своим способностям они были так сходны, что Мудрая, разумеется, скоро почувяла в Остророгой опасную соперницу, которая может отнять у неё первенство в стаде.

В этом стаде были овцы и со странностями. Между прочим, одна молодая ленивая овца имела привычку пастись, стоя на коленях. Другие, впрочем, не подражали ей, инстинктивно чувствуя, что это нехорошо. И действительно, результатом такого странного способа питаться было то, что с течением времени на коленях лентяйки образовались твёрдые мозоли, которые лишили её гибкости и

эластичности, так что она не могла прыгать и бегать с такой же лёгкостью, как другие. Это не имело большого значения в обыкновенное время, но в минуту опасности и тревоги представляло большие неудобства. Все животные, которым приходится спасаться бегством, усвоили себе привычку бегать и прыгать зигзагами. К этой уловке прибегает заяц, спасаясь от преследования лисицы или собаки. Так же поступает и кролик, если дикая кошка выгонит его из логовища. Это единственное средство для отдыхающего оленя спастись от волка, бросившегося на него. Кулик, прыгающий зигзагами на болоте, может этим обмануть меткого стрелка, избежать ястреба и даже, несмотря на быстроту ястребиного полёта, опередить его.

В стаде находилась ещё одна странная молодая овца, отличавшаяся большой нервностью. Она всегда повиновалась вожакой, за исключением лишь тех случаев, когда отдавался сигнал к сохранению неподвижного положения — превращению в камни. Вместо того чтобы окаменеть, как другие, эта овца начинала беспокойно шевелиться и мотаться из стороны в сторону, навлекая таким образом опасность на себя и на остальных.

VI

Несколько недель прошло в постоянной тревоге и частых перебеганиях с одного места на другое. Но часовые в стаде хорошо исполняли свои обязанности, и поэтому всё обходилось благополучно. Однако по мере приближения лета овцами стало овладевать какое-то странное, словно лихорадочное беспокойство. Они временами стояли неподвижно в течение нескольких минут, не щипали траву и не пережёвывали жвачку. У них появились признаки желудочного расстройства, и они постоянно как будто искали чего-то, сами не зная чего. Как только Мудрая испытала такое же беспокойство и потерю аппетита, она немедленно приняла свои меры. Она повела своё стадо вниз, по направлению к лесу и даже ещё ниже, под гору.

Куда же она отправлялась? Этот путь был нов для большинства овец. Остророгая тоже была недовольна такой прогулкой. Она постоянно останавливалась по дороге. Низменность казалась ей зловещей, и она не доверяла таким местам. Но Мудрая, бывшая вожаком, спокойно вела своё стадо. Если бы овцы захотели остановиться на дороге и повернуть назад, то Остророгая, несомненно,

стала бы во главе их, и стадо распалось бы на две части. Но все послушно шли за своей предводительницей Мудрой, спокойная решительность которой внушала им полное доверие.

Когда стадо спустилось далеко вниз, Мудрая насторожила уши и стала пристально смотреть вперёд. Те, которые находились рядом с ней, тоже оживились. Овцы не были голодны и не испытывали жажды, но желудки их требовали чего-то, и они чуяли, что лекарство находится уже поблизости. Действительно, они скоро подошли к широкому откосу, по которому тянулась вниз какая-то белая полоса. Мудрая повела своё стадо к началу этой полосы.

Тут уже не понадобилось отдавать овцам никакого приказа. Земля была покрыта чем-то белым, и овцы с жадностью принялись лизать это. О, как это было вкусно! Ничего такого они ещё не пробовали. Им казалось, что они никогда не насытятся этим. И они продолжали лизать и лизать. Это белое вещество оказало своё действие. Сухость горла, мучившая их, жар в глазах, ушах и головная боль мало-помалу проходили. Исчез несносный зуд в коже и лихорадочное беспокойство,

вернулся аппетит, и овцы скоро совершенно оправились. Это чудодейственное, живительное средство, которое исцелило овец, было обыкновенной поваренной солью.

Вот в чём нуждались овцы, и Мудрая, приведя их сюда, доказала свою способность быть предводительницей стада!

VII

Лучшим качеством каждого молодого животного является послушание. Не имея ещё собственного опыта, молодое животное пользуется материнским опытом. Храбрость, сила и проворство, конечно, очень хороши, но всё же эти качества у ягнёнка всегда бывают гораздо слабее, чем у его опытной матери, и они могут принести ему огромную пользу лишь в том случае, если он будет ей подражать.

Когда стадо пробыло в этом месте около двух часов и достаточно нализалось соли, Мудрая повела его обратно в горы. Соль возбудила аппетит, а трава в долине была такая сочная и обильная! Ягнята с жадностью принялись щипать её. Но они ещё находились в лесу, который был полон опасностей для стада. Мудрая и Остророгая понимали это и поэтому хотели скорее вернуться на свои прежние безопасные пастбища. Мудрая шла впереди, и стадо, хотя и неохотно, всё же следовало за ней.

Но маленький Криворог был слишком увлечён вкусной едой и не пошёл за остальными. Его мать заметила, что его нет около неё, и когда он заблеял, она вернулась к нему. Он не отказывался следовать за стадом, но постоянно отставал, останавливаясь щипать вкусную траву, и таким образом задерживал свою мать и поощрял других следовать своему примеру. И когда наступила ночь, стадо ещё не успело выйти из пределов леса и должно было там переночевать.

Пантера никогда не производит большого шума, крадётся за своей добычей. Она скользит, как тень. Не слышно было ни малейшего шороха, когда большая, голодная пантера Якиникских гор пробиралась по лесному склону. Но случайно маленький камешек, задетый её бархатной лапой, скатился вниз, и как ни был слаб произведённый этим шум, однако Остророгая услышала его. Она тотчас же засопела, предупреждая об опасности, и, несмотря на темноту, побежала вверх, по утёсу, к своему прежнему безопасному убежищу. Другие тоже повскакали на ноги, но пантера уже находилась среди них. Мудрая, подав знак Криворогу, тоже бросилась бежать и, может быть, успела бы достигнуть безопасного убежища. Но её ягнёнок бросился в другую сторону и, очутившись один, заблеял, зовя свою

мать. И вот она, забывая о собственной опасности, побежала назад к нему, и пантера в один миг свалила её на землю ударом своей могучей лапы. Остальные овцы, одна за другой, разбежались в разные стороны, и пантера бросилась за каждой из них. Но благодаря их изворотливости и зигзагообразным прыжкам она не могла поймать ни одной из них. Только бедняжка Мозолистая не могла увернуться от страшного врага, и когда пантера сделала прыжок к ней, она осталась на месте, так как давно по собственной вине лишилась проворства и ловкости.

Овцы бежали, прыгая вверх по откосу, вслед за той, которая вела их. Они взобрались на высоту одна за другой и, только умерив свой бег, заметили, что теперь предводительницей их была Остророгая. Своей прежней предводительницы, Мудрой, они не видали больше и поэтому догадались, что она погибла.

Когда они все собрались и поглядели назад, то вдруг услышали доносившееся издали слабое блеяние ягнёнка. Все наострили уши и стали ждать. Было бы неблагоприятно слишком поспешно отвечать на такие звуки. Это ведь могло быть хитрой уловкой какого-нибудь врага. Но блеяние повторилось, и эти звуки были слишком хорошо знакомы им. Очевидно, это блеял ягнёнок, принадлежавший к их стаду, и, убедившись в этом, Остророгая ответила ему.

Послышался грохот осыпавшихся мелких камней. Очевидно, кто-то карабкался на утёс. И наконец на его вершине, совсем близко, показался маленький ягнёнок. Это был Криворог.

Он не знал ещё, что был уже сиротой. Но мать его не являлась, и он стал жалобно блеять и звать её. Желудок его требовал молока, а не одной только травы и воды. Он блеял с тоской и отчаянием. Он был голоден, ночью он озяб, и, чтобы отогреться, ему хотелось прижаться к какой-нибудь овце. Но никто не обращал на него внимания. Впрочем,

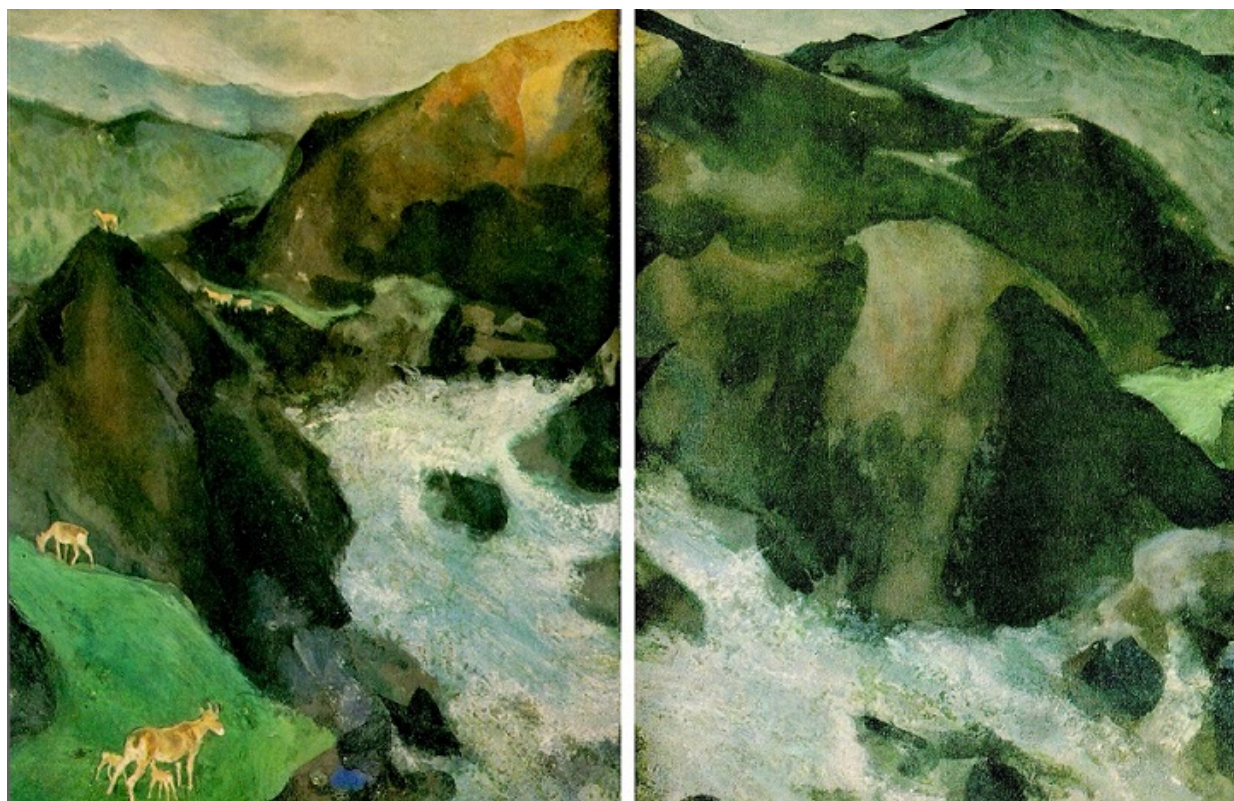
Остророгая, ставшая теперь предводительницей стада, ответила раза два на его призыв, и он, блуждая кругом, подошёл к ней, когда она лежала, и прижался к её тёплому телу, рядом со своим прежним врагом Рогатым. Остророгой показалось утром, что это её собственный ягнёнок.

Криворог спал, тесно прижавшись к Рогатому, и тёрся об его шкуру, так что его запах, который так хорошо был знаком матери, перешёл к нему, и приёмьш стал ей родным. Когда же Рогатому захотелось позавтракать утром тёплым материнским молоком, бедный голодный сиротка тоже решил последовать его примеру и начал сосать овцу с другого бока.

Таким образом, Рогатый очутился носом к носу с Криворогом и разделил свои права со своим старым врагом.

Но ни Остророгая, ни Рогатый не протестовали против такого захвата, и таким образом, бедный сиротка был усыновлён бывшей соперницей его матери.

VIII

Остророгая была умнее и находчивее всех других овец в стаде. Она уже хорошо знала всю окружающую местность и, само собою разумеется, должна была стать предводительницей стада. Её первенство было всеми признано и также было признано, что оба, Рогатый и Криворог, были её ягнятами. Они действительно стали точно братья, но далеко не одинаково относились друг к другу. Криворог не чувствовал благодарности к своей приёмной матери и по-прежнему не любил Рогатого.

Теперь, когда они оба ежедневно получали молоко матери, Криворог стал видеть в Рогатом своего соперника и пытался толчками отстранить его. Однако Рогатый умел теперь защищаться лучше, чем прежде, и мог проучить Криворога, который, получив несколько хороших толчков, перестал, наконец, задирать его.

Оба ягнёнка росли и развивались теперь вместе. Криворог оставался всё таким же плотным, неуклюжим и задорным, с толстыми, извилистыми рогами, которые у него быстро росли. А Рогатый... Нет, мы не будем так называть его теперь, когда у него выросли длинные красивые рога. С этой минуты мы будем называть его Крэгом. Так год спустя его назвали охотники. Под этим именем он прославился во всей области вокруг Гендер-Пика.

В течение лета Крэг и Криворог не только выросли, но и развились умственно. Они уже научились всем жизненным правилам, которые обязательны для всех членов общины. Они умели сопением предупреждать об опасности, они фыркали, когда опасность казалась

им несомненной. Они уже познакомились со всеми тропинками и дорожками и могли одни отправиться к ближайшей соляной ложбине, когда чувствовали потребность полизать соли.

Оба превосходно умели скакать зигзагами, чтобы сбить с толку врага. Оба умели прыгать с выпрямленными, как палки, ногами, чтобы безопасно перебираться через гладкие и скользкие покатые поверхности. Крэг даже превзошёл свою мать в этом искусстве.

Таким образом, оба ягнёнка были уже достаточно приспособлены ко всем требованиям жизни. Они могли питаться травой, и поэтому пора было их отучить от груди. Остророгая должна была нагулять жиру, чтобы не зябнуть зимой. Конечно, ягнята не спешили отказываться от своего вкусного завтрака, но количество молока у матери уменьшалось, а выраставшие у ягнят рога причиняли ей боль во время кормления. В конце концов она перестала подпускать их к груди. Это случилось гораздо раньше, чем первый зимний снег запорошил поверхность плоскогорья. Ягнята поневоле должны были перейти на самостоятельное пропитание.

IX

В числе погибших за это лето овец из стада, во главе которого теперь была Остророгая, находился и двухгодовалый барашек, подававший большие надежды. Его шкура очутилась на складе в хижине старого охотника Скотти.

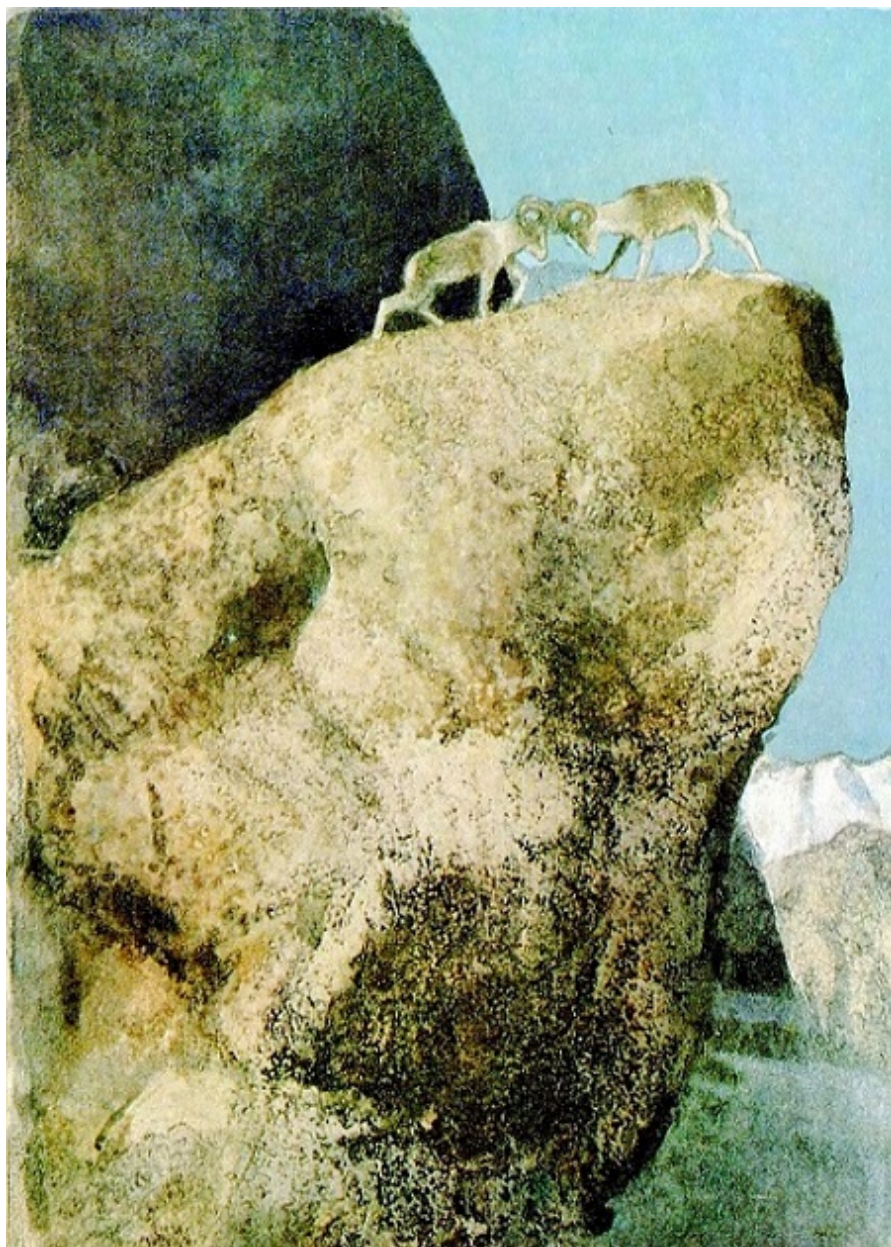
Когда выпал первый зимний снег, все ягнята были уже отняты от груди и стали самостоятельными, а овцы, освободившись от материнских забот, поправились и пополнили. Наконец грянули морозы. Воздух стал особенно бодрящим.

Несколько раз в течение лета овцы видели издали двух больших баранов, но, обменявшись сигналами и узнав, что это были животные другого пола, они избегали встречи с ними. Теперь было другое. Завидев баранов и обменявшись с ними сигналами, овцы уже не собирались избегать их. Когда два исполинских чужестранца предстали перед ними во всей своей величавой красоте, с огромными извилистыми рогами, и гордо выступили вперёд, смелость Остророгой и её стада сменилась какой-то странной застенчивостью. Овцы повернули назад, точно желая избежать пришельцев. Но бараны стали преследовать овец, и после разных уловок и хитростей овцы, наконец, приняли их в своё стадо.

Тогда наступила неизбежная ссора. Бараны до сих пор были добрыми друзьями и, по всей вероятности, товарищами из одного стада. Но соперничество уничтожило и товарищеские чувства и дружбу. Бараны наскочили друг на друга и стукнулись рогами с такой силой, что от них отлетели осколки. После нескольких таких стычек

один из них, тот, который был слабее, упал вверх ногами. Вскочив снова на ноги, он бросился бежать, высоко подпрыгивая, и не пытался более продолжать битву. Противник сначала преследовал его, но так как побеждённый отказывался вступить с ним в бой, он гордо вернулся назад и тотчас же занял место повелителя в стаде. Овцы охотно повиновались.

На Крэга и Криворога он не обращал никакого внимания. Но и те сами были до такой степени напуганы, так боялись огромного барана,

что старались держаться поодаль от стада, не уверенные в том, какое положение они могут в нём занять.

Стадо находилось под предводительством этого огромного барана в течение первой половины зимы. Он был такой большой и красивый и заботливо относился к овцам. Он требовал, чтобы ему предоставлялась лучшая пища, но зато зорко высматривал всякую опасность. Впрочем, в пище недостатка не было, потому что баран, как опытный вожак стада, не водил его в защищенные ущелья, где снег был глубок, а вверх, на самые тёмные утёсы, где холодные ветры всегда сдували снег и обнажали прошлогоднюю траву, и куда ни один враг не мог подкрасться незамеченным.

Таким образом, стадо не подвергалось опасности и благоденствовало.

Наступила весна. Зазвучали песни птиц, подул тёплый ветер. Повинуясь своему древнему закону, бараны и овцы расстались в середине зимы. Желание разойтись в разные стороны с каждым днём как будто усиливалось. Овцы уже не так охотно следовали за своим вожаком, да и он сам иногда пропадал по целым часам. Однажды он совсем не вернулся к своему стаду, и с этого времени стадо уже следовало за своей прежней предводительницей — Остророгой.

Около первого июня в стаде появились новые ягнята. У большинства овец их было по двое у каждой. Только у Остророгой был лишь один детёныш, как и раньше, но этот новый ягнёнок совершенно вытеснил Крэга и окончательно завладел всем вниманием и привязанностью матери. Она даже не с таким усердием, как прежде, исполняла свои обязанности вожака стада, и однажды, когда она кормила своего ягнёнка и с удовольствием наблюдала, как он весело помахивал своим хвостиком, другая овца подала сигнал тревоги. Всё стадо замерло, не двигаясь, за исключением беспокойной овцы, которая как раз в эту минуту заметалась перед самой мордой Остророгой. Раздался отдалённый звук выстрела, и беспокойная овца свалилась мёртвой. Но и Остророгая упала вслед за нею с глухим, болезненным блеянием. Однако она тотчас же вскочила на ноги и, забывая собственное страдание, дико озиралась, ища своего ягнёнка. Увидев его возле себя, она помчалась по скале вслед за другими овцами. Прогредел второй выстрел, и тут только Остророгая увидела врага. Это был тот самый охотник, который чуть не поймал ягнят в прошлом году. Он был далеко от неё, но его пуля просвистела мимо её носа. Она отскочила назад и изменила направление своего бега. Покинув стадо, она прыгала по скалам, блеяла, чтобы заставить своего ягнёнка следовать за собой. Но она блеяла также и от боли, потому что была серьёзно ранена. Собрав последние силы, она спрыгнула вниз со скалы и таким образом очутилась под защитой вершины утёса. Она сбежала в овраг и побежала вдоль его дальнего гребня, скрывшись из виду, так что Скотти, преследовавший её по пятам и добежавший до края утёса, всё же не увидел её больше никогда. Он усмехнулся, заметив следы крови, но скоро и они исчезли. И как он ни старался

опять попасть на след раненой овцы, он не мог найти её. Проклиная свою неудачу, Скотти вернулся назад к убитой овце.

Между тем Остророгая продолжала бежать дальше вместе со своим ягнёнком. Ягнёнок бежал впереди, но она направляла его. Она инстинктивно чувствовала, что безопасное убежище находится наверху и что она должна взобраться на Гендер-Пик. И вот она бежала дальше, несмотря на жгучую боль и всё время укрываясь за гребнем скал. Наконец, обогнув ближайшие скалы, она остановилась, чтобы оглядеться. Она не заметила ни друзей, ни врагов. Но она чувствовала, что ранена смертельно и что она должна бежать, пока у неё хватает сил, чтобы спасти своего ягнёнка, пока не поздно.

И вот она снова помчалась. Ягнёнок то бежал позади неё, то забегал вперёд, как ему вздумается. Таким образом, они бежали, пока не достигли лесной полосы, и тогда она стала взбираться наверх, как указывал ей её инстинкт.

Они миновали другой высокий откос, и она увидела перед собой длинную белую полосу. Это был снежный сугроб, заваливший глубокий овраг. Остророгая тотчас же повернула туда. Она чувствовала сильную боль в пояснице, и на обоих боках у неё виднелись тёмные пятна. Рана горела, и ей хотелось прикоснуться к чему-нибудь холодному, освежающему. Достигнув снежного пространства, она легла набок, прижимая свою рану к снегу.

При такой глубокой ране может быть только один исход. Она промучается два-три часа — и всё будет кончено.

А что же с ягнёнком? Он стоял над нею, не понимая, что случилось. Он знал только одно, что ему теперь было и холодно и голодно и что мать, от которой он привык получать решительно всё — пищу, тепло, защиту и ласку, почему-то лежала на месте, неподвижная и странно похолодевшая. Он не понимал, что случилось, и не знал, что будет с ним дальше. Но мы знаем: рано или поздно мать умрёт. И

ворон на скале также знал это и ждал конца. Было бы лучше, много лучше для ягнёнка, если бы ружьё прикончило и его вместе с матерью.

XI

Крэг уже стал красивым, молодым бараном, ростом выше любой из овец своего стада, с длинными рогами, похожими на две турецкие сабли. Криворог также очень вырос и достиг почти такого же роста, как и Крэг, но рога его были по-прежнему неестественно коротки, толсты и покрыты шишками.

Наступила осень, время свадеб и возвращения баранов в свои стада. Осень принесла Крэгу неожиданное испытание. Он только что начал сознавать себя взрослым, когда явился большой баран с рогами, загнутыми внутрь, и толстой бычачьей шеей. Прежде всего он выгнал Крэга из стада. Крэг, Криворог и ещё трое или четверо их однолеток — молодых баранов — были отныне предоставлены своей судьбе. По обычаю овец, лишь только молодой баран достигает зрелости, он должен уйти из родного стада, чтобы учиться самостоятельной жизни.

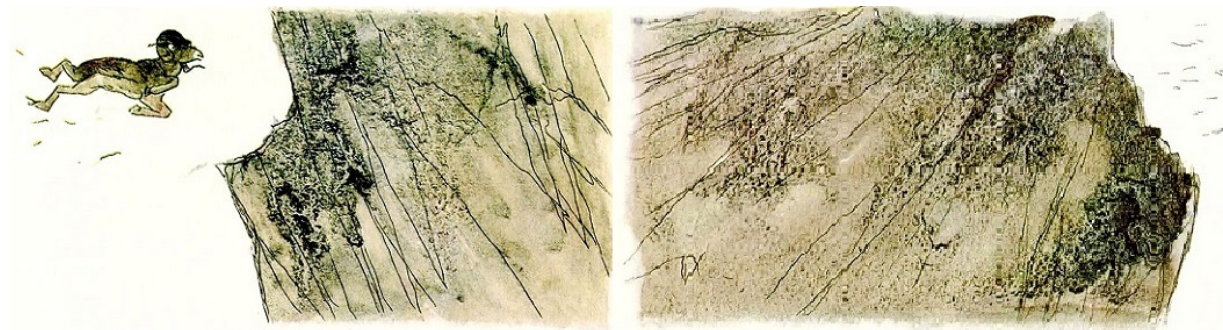

В течение последующих четырёх лет Крэг вёл кочевую холостяцкую жизнь со своими шестью товарищами. Он сделался их вожаком, так как отличался умом и находчивостью, унаследованными им от матери. Они вместе путешествовали в далёкие края, открывая новые пастбища и новые пути, приобретая новые познания и мечтая о том времени, когда они обзаведутся собственными семьями, многочисленными и счастливыми.

Крэг не по своему желанию вёл эту бродячую жизнь. Но ему долго не удавалось покинуть свою холостую ватагу. Быть может, так было лучше для него. Временами ему бывало тяжело, но зато он закалялся в испытаниях кочевой жизни и мог укрепить и развить свои исключительные способности. Из года в год бараны холостой стаи делались красивее. Даже хмурый Криворог стал стройным и сильным. Он никогда не мог преодолеть свою старую неприязнь к Крэгу. Раз или два он пробовал подраться с ним и даже пытался столкнуть его со

скалы. Но за это он был так сурово наказан, что с тех пор держался подальше от своего молочного брата. А Крэгом действительно можно было залюбоваться. Он прыгал через зубчатые утёсы, чуть касаясь их своими лёгкими копытами, взлетая вверх, как птица, и насмехаясь над всеми преследователями. Солнечный луч, играя, скользил по его спине и гибким, напряжённым мускулам. Крэг, казалось, вовсе не имел веса и не знал страха падения. Трудно было поверить, что это был большой восьмипудовый баран с пятью годовыми кольцами на рогах.

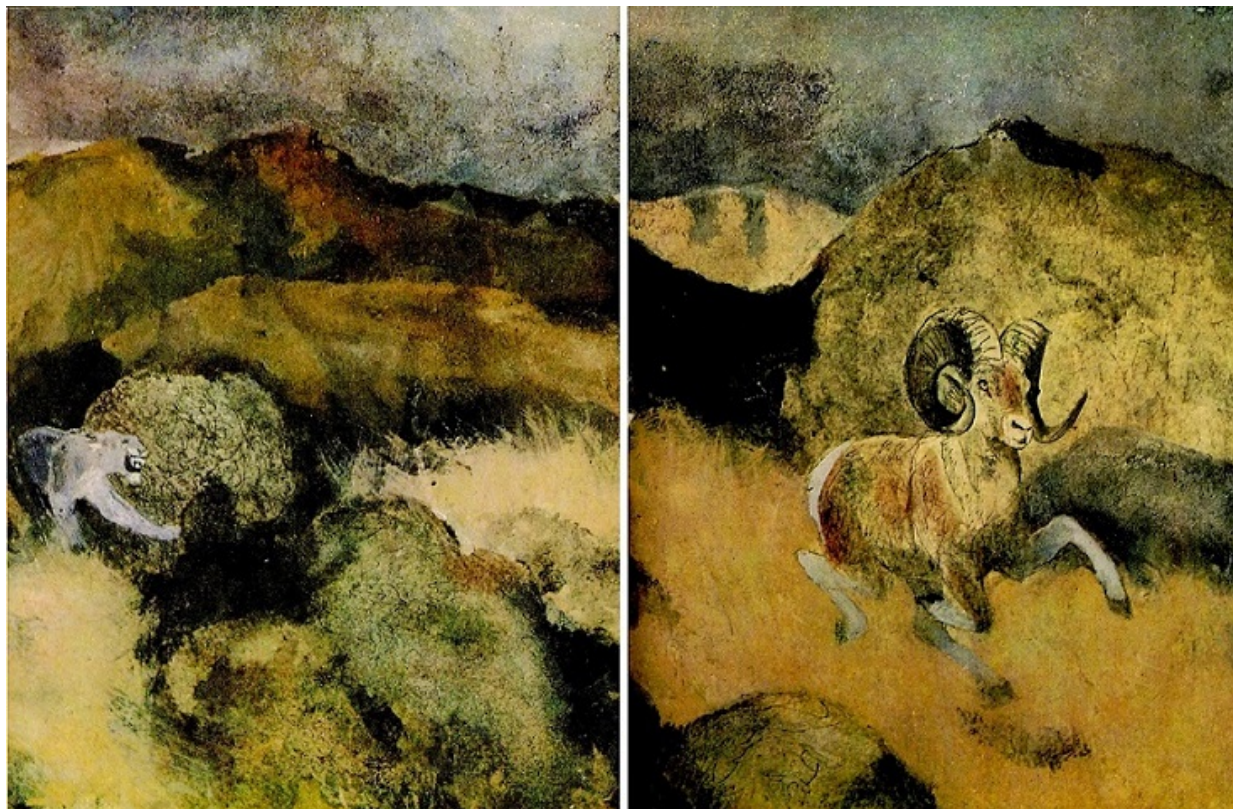

А какие рога! У каждого барана рога имели свою особенность. Рога отражали характер своего владельца: у одних они были похожи на два простых полумесяца, у других были толстые, у третьих тонкие. Но рога Крэга были поистине великолепны. Они смело загибались назад и были украшены пятью кольцеобразными утолщениями. Эти утолщения рассказывали о его жизни: о том, как он ещё был ягнёнком и пробовал свои прямые маленькие рожки в первой схватке, о том, как из года в год они вырастали в длину и в ширину, пока не стали больше и красивее рогов всех баранов в окрестностях Гендер-Пика.

Словно драгоценности, которые опасно выставлять напоказ, прятались в тени нависших рогов его прекрасные глаза. Тёмно-коричневые, когда он был ягнёнком, они с годами приобретали желтоватый оттенок и были теперь похожи на два больших блестящих золотых овала, за которыми открывалась тёмная, загадочная глубина, отражавшая в себе весь окружающий мир.

Радость жизни, ощущение своей силы — самая большая радость для всякого живого и здорового существа. И Крэгу доставляло удовольствие расправлять свои мускулы в шуточной борьбе со своими товарищами. Ему доставляло удовольствие перелетать над какой-нибудь страшной пропастью с одного узкого выступа скалы на другой.

Ширину пропасти он определял с безупречной точностью. Он любил замысловатыми прыжками удирать от пантер. Ему нравилось обратить в бегство и гнать вниз, до самой долины, стадо чернохвосток, забравшихся слишком высоко в горы. Он наслаждался каждым своим движением. Он постоянно чувствовал всю свою мощь и красоту. И когда, с началом зимы, в нём пробудилась жажда любви, он стал поистине воплощением отваги и благородства.

Однажды, полный радостного сознания своей силы, он прыгал то вверх, то вниз по извилистым склонам гор, перелетая с утёса на утёс, в поисках чего-то, что ещё смутно представлялось ему самому. Он мчался всё дальше и дальше во главе своих товарищей, пока им не повстречались следы другого стада, и он инстинктивно направился за ним. Это было стадо овец, которое сначала обратилось в бегство, но потом, загнанное преследователями в ложбину, после некоторых церемоний подпустило к себе баранов.

Горный баран никогда не ограничивается одной подругой жизни. Он требует себе сразу всех овец из одного стада, и всякий спор разрешается на месте в смертельной схватке с соперником. До сих пор

между товарищами Крэга существовали самые дружеские отношения, но теперь сразу всё изменилось. Крэг выскочил вперёд, фыркая в знак того, что он вызывает на бой каждого, кто вздумает оспаривать его права. Но никто не решился померяться с ним силами, и, хотя соперников было много, дело обошлось миром. Его товарищи послушно удалились, оставив его единоличным обладателем всего стада овец.

Крэг казался красавцем и в бараньем стаде. А среди овец его сила, его рост и рога с красивым загибом особенно выделялись.

Но на второй день после победы Крэга невдалеке появились два новых соперника. Один из них был большой прекрасный баран, такой же крупный, как и Крэг, но с более короткими рогами, а другой... другой был Криворог. Новый баран приблизился и вызывающе зафыркал. Затем ударил ногою о землю, что должно было обозначать: «Я сильнее и красивее, чем ты, и хочу тебя выбросить отсюда прочь!»

В глазах Крэга сверкнул боевой огонь. Он напряг свою толстую шею и стал мотать головой вверх и вниз, как скаковая лошадь. Он грозно потрясал рогами. Затем пригнул назад уши и бросился на врага, который также устремился ему навстречу. Стук! — они сошлись.

Но враг занимал лучшую позицию, и первая атака Крэга была неудачной.

Оба барана попятились назад, измеряя друг друга глазами и стараясь покрепче установить ноги на большом скалистом уступе, где происходила битва. Затем они снова столкнулись с такой силой, что от их рогов полетели осколки. Но на этот раз Крэг, очевидно, брал верх. Он сразу же использовал своё преимущество, нанеся противнику второй удар, и при этом зацепился своим левым рогом за его правый. Но в этот миг, к его величайшей досаде, он получил жестокий удар в бок от неизвестного нового врага. Этот удар отбросил его в сторону, и он чуть не свалился в пропасть. К счастью, он был так крепко сцеплен рогами со своим первым противником, что удержался на утёсе. Крэг вскочил на ноги как раз вовремя, чтобы увидеть, как его вероломный враг, не рассчитавший удара и увлекаемый собственной тяжестью, перелетел через край скалы вниз.

Через несколько секунд послышался отдалённый глухой треск. Криворог нашёл себе тот самый конец, который он готовил своему брату.

Криворог, побитый в открытом бою, хотел одолеть Крэга исподтишка, и это погубило его, так как даже горный баран не может, упав с высоты двухсот футов, остаться живым.

Теперь Крэг с удвоенной яростью бросился на своего главного противника. Ещё одна жестокая встряска, и незванный гость был сбит с ног и признал себя побеждённым. Он вскочил и бросился в бегство. Сначала Крэг продолжал его гнать, но затем оставил преследование и с торжеством вернулся к своей новой семье.

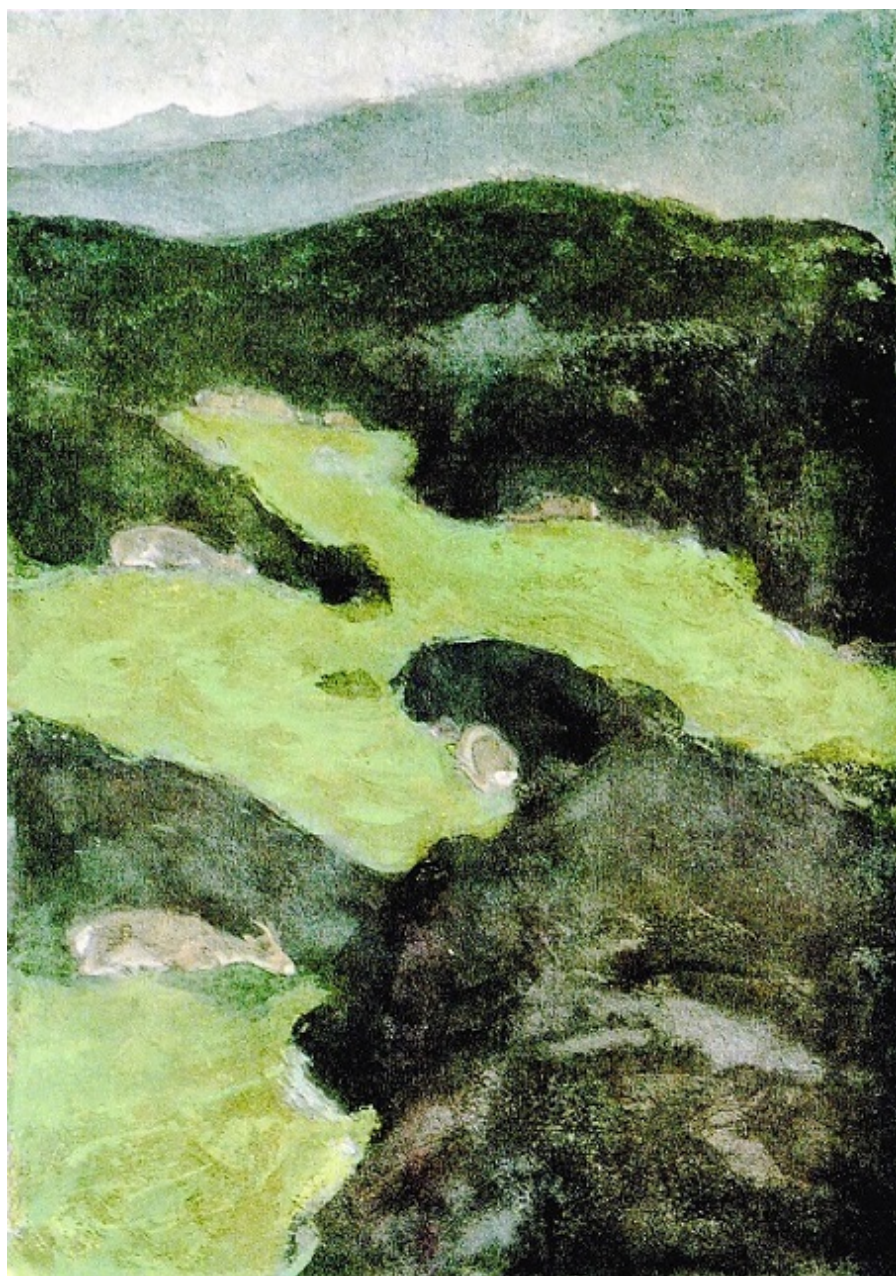
XII

Скотти покинул область Табачного ручья в 1887 году. К этому времени дичь уже почти вся была перебита, овцы попадались редко, а вести о вновь открытых золотых россыпях в Колорадо влекли его на юг. И старая хижина на берегу ручья была снова заброшена.

Прошло пять лет с тех пор, как Крэг сделался вожаком своего стада, пять лет преуспевания и благоденствия. Крэг жил так, как его учила мать. Он заставлял своё стадо избегать низин и отрогов гор, где под покровом леса подстерегали овец тысячи врагов. Единственно безопасными были для них открытые выветренные вершины гор, где ни пантеры, ни люди с ружьями не могли незаметно подкрасться. Он отыскал в горах залежи соли, в которой так нуждаются овцы, и это избавляло их от необходимости совершать опасные путешествия в низины. Он также учил своё стадо никогда не ходить по самой вершине скалистого гребня, но всегда немного ниже, с какой-нибудь одной стороны, чтобы не бросаться в глаза издали. К этому он ещё добавил одно своё собственное замечательное изобретение: «прятки». Если в старое время какому-нибудь охотнику удавалось приблизиться к стаду овец, прежде чем они его заметят, тактика проста: спастись стремительным бегством. Эта тактика была великолепна в те дни,

когда враг имел в руках лук и стрелы или ружьё, заряжавшееся с дула. Но от новейшего магазинного карабина так легко не убежишь. Крэг испробовал другой способ и научил ему своё стадо: ложиться ничком и оставаться в полной неподвижности. В девяти случаях из десяти это приводит охотников в замешательство. И много раз Крэг имел возможность убедиться в правильности своей тактики.

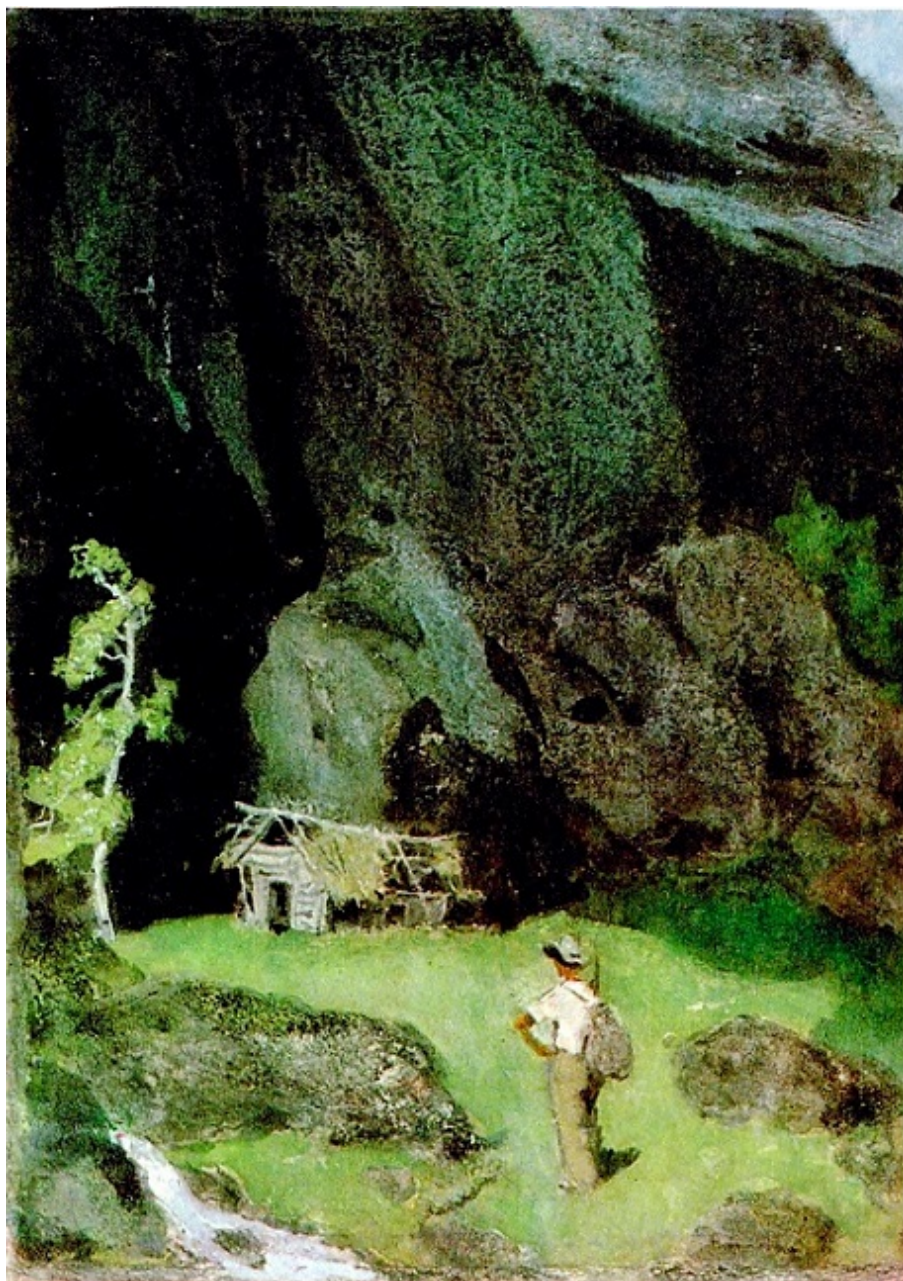

Счастье для всякого племени, если среди него рождается великий вождь, наделённый исключительными дарами природы. Крэг способствовал улучшению породы горных баранов. Его потомки распространились по всей местности вокруг Гендер-Пика, к востоку, вплоть до озера Кинтла, и были гораздо умнее, сильнее и здоровее обыкновенных горных баранов. А эти качества, в свою очередь, способствовали дальнейшему увеличению его рода.

За пять лет внешность Крэга несколько изменилась, но его телосложение оставалось по-прежнему безукоризненным. Его ноги были так же прекрасны по форме и сильны, как и прежде. Такой же была его голова, с сердцевидным белым пятном на носу. По-старому блестели его янтарные глаза. Но зато рога, как они изменились! Они и раньше были не совсем обыкновенные. Теперь они стали небывалыми. Из года в год они разрастались и завивались всё больше и больше, отмечая на себе всю историю его жизни, полную борьбы и радости побед. Один год был обозначен тёмной морщинистой полоской на его рогах. Это был год страшной эпидемии, охватившей всю нагорную область, когда погибло не только множество овец и ягнят, но и немало крепких и сильных баранов, когда даже сам Крэг не избежал болезни. Он выздоровел, и долгие месяцы страданий оставили след кольцеобразном наросте на его рогах.

Наконец, после пятилетнего скитания, старый Скотти опять вернулся в свою хижину у Табачного ручья. Крыша землянки уже провалилась внутрь, но он не торопился ее исправлять. Нужно было сначала осмотреться, стоит ли это делать. Он взял свой карабин и

пошёл в обход знакомого горного царства. Ему удалось увидеть неподалёку два больших стада горных овец, и это заставило его решиться. Тогда он провёл несколько дней над исправлением своей хижины. Гроза обитателей Якиникекских гор снова появился среди них.

Скотти был уже пожилым человеком. У него была по-прежнему сильная и твёрдая рука, но глаза его уже несколько ослабели. В дни молодости он смеялся над теми, кто нуждался в очках и биноклях, но теперь он сам обзавёлся подзорной трубой. Он часто разглядывал через неё отдалённые горные карнизы и утёсы, и много раз его глаз останавливался на величавом облике Крэга. В первый же раз, когда он его увидел, он вскричал: «Ого! Вот так рога!» — и затем пророчески добавил: «Они будут мои!» И, не откладывая, начал действовать, чтобы получить их. Месяц проходил за месяцем, а ему всё не удавалось хоть раз увидеть поближе этого обладателя редкостных рогов. Сам Крэг неоднократно видел его вблизи, но Скотти и не подозревал об этом. Случалось не раз, что он замечал Крэга в свою подзорную трубу на отдалённом выступе горы и предпринимал целое путешествие в обход по скалам для того только, чтобы найти пустое место. Иногда в таких случаях Крэг действительно удалялся, но часто он находился где-нибудь совсем рядом, спрятанный за скалами и зорко наблюдающий за всеми движениями врага.

Как-то раз в хижину Скотти зашёл гость — скотопромышленник, носивший фамилию Ли. Это был охотник по призванию и большой любитель собак и лошадей. Его лошади, конечно, мало были нужны для охоты в горах, но зато три собаки, великолепные русские борзые, постоянно сопровождали его. Он предложил Скотти испробовать собак в охоте на горного барана.

Скотти усмехнулся.

— Вижу, что вы привыкли охотиться на равнине, приятель! Сначала посмотрите, в каких местах прыгает этот старый Крэг.

XIV

То место, где река Якиникек выходит из породивших её гор, к югу от Гендер-Пика, представляет собою мрачную расселину в гранитной стене, которая называется ущельем Скинклера. Глубина этой расселины доходит до пятисот футов. Со стороны Гендер-Пика спускается к ней изломанный скалистый гребень, оканчивающийся длинным выступом, висящим над клокочущим потоком.

Этот скалистый гребень был излюбленным убежищем горных овец, и, по странной случайности, Скотти, взобравшийся туда в сопровождении Ли и его трёх собак, сразу увидел самого Крэга. Охотники притаились и, крадучись между скалами, поспешили к тому месту, где они его только что видели. Но опять повторилась старая история: Крэг исчез бесследно. Впрочем, не совсем бесследно, так как они нашли отчётливый отпечаток его больших копыт. Но твёрдая поверхность скал не давала возможности определить направление следа. Скотти не оставалось бы ничего другого, как записать в свою летопись ещё об одном исчезновении Крэга, если бы не собаки, которые принялись вынюхивать все ближайшие впадины в скалах и заросли карликовых берёз. Внезапно они залились оглушительным лаем, и в тот же миг из засады выскочил громадный горный баран, чудо Гендер-Пика. Через низкие заросли, над зубчатыми скалами, прыгая, взлетая, паря с великолепной уверенностью и изяществом, он нёс свои чудовищные рога так легко, как какая-нибудь дама носит свои серьги. Вслед за ним понеслось всё его стадо и присоединилось к своему вожаку. Оба карабина были наготове. Но три собаки, следуя по пятам, невольно загородили собою того, на котором были сосредоточены все помыслы охотников, и выстрелить им не удалось.

Всё стадо во главе с Крэгом быстро неслось вперёд по гребню. Будь это на открытой равнине, собаки скоро поймали бы отставших, а может быть, настигли бы и Крэга, но здесь, среди скал, очевидное преимущество было на стороне овец. Охотники побежали за ними, один с правой стороны гребня, другой с левой, чтобы лучше видеть бегущее стадо. Крэг, отрезанный от Гендер-Пика, бросился к югу, по направлению к ущелью. Поверхность гребня, приближаясь к реке, делалась всё ровнее, и собаки стали догонять овец.

Потом охотники увидели, как Крэг внезапно отскочил назад. Он мчался теперь позади стада. Достигнув опять неровной части нагорья, овцы начали понемногу выигрывать расстояние. Одна, две, три мили, и охота перешла на скалистый гребень, обрывающийся в ущелье Скинклера. Минуту спустя все овцы столпились у края последнего утёса. В ужасе они жались друг к другу. Вокруг них была страшная бездна, а позади три свирепые собаки и два ещё более свирепых охотника. Тогда старый Крэг выскочил вперёд. Загнанный в тупик, он решил биться насмерть. Дикие животные никогда не просят пощады.

Он был теперь так далеко от собак, что охотники не побоялись пустить в него две пули, просвистевшие мимо. Собак он не боялся, с ними он мог ещё сражаться, но ружья охотников несли верную смерть. Оставался только один исход. Гранитные стены ущелья не страшнее других опасностей. Его четвероногие преследователи были уже совсем близко — прекрасные псы, искушённые в битвах, — а за ними охотники, беспощадные и в душе уже торжествовавшие победу. Верная смерть от пули или сомнительное спасение на дне ущелья. Для колебания не было времени: он, вожак, должен был действовать.

Он подошёл к самому краю бездны и прыгнул вниз. Но это не был прыжок вслепую, прямо на дно. Нет! В тридцати футах ниже, по ту

сторону страшной пропасти, был маленький выступ, не шире его носа, — единственный, видневшийся среди гладкой отвесной стены. Крэг рассчитал свой прыжок с изумительной точностью. Он задержался на выступе всего лишь одно мгновение, но этого было достаточно, чтобы его зоркие глаза увидели на противоположной стороне ущелья другой, более широкий уступ, который сверху был скрыт нависшим утёсом. Он напряг мускулы, изогнул свою гибкую спину и опять перелетел через пропасть. Затем опять обратно к новому выступу, иногда лишь простой шероховатости в гранитной стене. Его мягкие копыта прикасались порой всего лишь на одно мгновение, чтобы рикошетом перенести его на другую сторону. Потом короткий переход по узкому карнизу вдоль стены и опять вниз и вниз, чуть касаясь точек опоры на обеих сторонах ущелья. И, наконец, последний прыжок длиной в двадцать футов, после которого он очутился в безопасности на узком берегу потока.

Овцы, воодушевлённые примером вожака, последовали за ним. Это был настоящий каскад. Если бы Крэг где-нибудь оступился, всё

стадо погребло бы вместе с ним. Но этого не случилось. Одна за другою прыгали овцы по следам своего вожака, перелетая с уступа на уступ, от одной точки опоры в гранитной стене к другой, противоположной, с удивительной ловкостью и самообладанием.

Но лишь только последняя овца коснулась копытами второго уступа, как над её головой пронеслись, с придушенным воем ужаса, три белых с жёлтыми пятнами существа, вниз, навстречу смерти. Это были собаки. Стремительные и отважные, они, не колеблясь,

продолжили преследование и слишком поздно узнали, что враг их перехитрил. А в это время в самом низу, на берегу потока, Крэг собирал вокруг себя своё стадо. Далеко вверх он слышал крики и свистки охотников. Внизу, под собою, он видел, как бурные волны Якиникека уносили к морю жалкий, истерзанный труп собаки.

Ли и Скотти в полной растерянности остановились на краю утёса. Овцы и собаки бесследно исчезли. Было совершенно невероятно, чтобы кто-нибудь из них мог спастись. Скотти пробормотал несколько слов, хотя и не относившихся к делу, но весьма крепких. Ли готов был заплакать. Его чувство поймёт каждый, кому пришлось бы потерять верного, благородного друга — собаку — так неожиданно и трагически.

— Брэн! Ролло! Ида! — звал он в смутной надежде. Но ему отвечал лишь ветер, свистя и завывая в мрачном ущелье Скинклера.

Ли был ещё совсем молодым человеком, мягкосердечным и впечатлительным. Потеря четвероногих друзей была для него тяжёлым ударом. Он целых два дня не выходил из хижины. У него пропало всякое желание продолжать экскурсии в горы. Но уже несколько дней спустя его настроение под чарами солнца и живительного горного воздуха улучшилось настолько, что он согласился на предложение Скотти отправиться с ним на охоту.

Они достигли горной области, когда Скотти, который времени до времени осматривал вершины в подзорную трубу, внезапно воскликнул:

— Ого! Вон он, сам старый баран с Гендер-Пика! А я думал, что он разбился в ущелье Скинклера.

И он даже присел от изумления. Ли взял от него трубу и сразу узнал Крэга по его великолепным рогам. Кровь бросилась в лицо молодому человеку. Теперь ему представлялся случай прославиться и заодно отомстить. Он вспомнил своих погибших собак:

— Бедный старый Брэн! Добрые мои Ролло и Ида!

Животные обычно не настолько умны, чтобы остерегаться засады. Скотти хорошо знал и местность и нравы горных баранов.

— Крэг никогда не побежит по ветру и никогда не оставит скал, где он может укрыться. А значит, он помчится к Гендер-Пику, если вообще двинется с места. В таком случае он может бежать по одной или по другой стороне хребта. Он не пойдёт по западной стороне, если увидит меня там. А вы становитесь с восточной. Я вам даю два часа на то, чтобы занять позицию вон у того гребня, где я его частенько замечал, — сказал Скотти.

Ли направился к назначенному месту, а Скотти, подождав два часа, взошёл на высокий утёс и нарочно стал махать руками и прогуливаться взад и вперёд, отчётливо вырисовываясь на фоне неба. Скотти не видел барана, но баран, несомненно, видел охотника. Потом старый горец пробрался под прикрытием скал к югу и стал напрямик

взбираться к тому месту, где недавно ещё находился Крэг. Но всё это проделывалось им не для того, чтобы его встретить, а только для вида, в расчёте на то, что Крэг наблюдает за ним из-за какого-нибудь прикрытия.

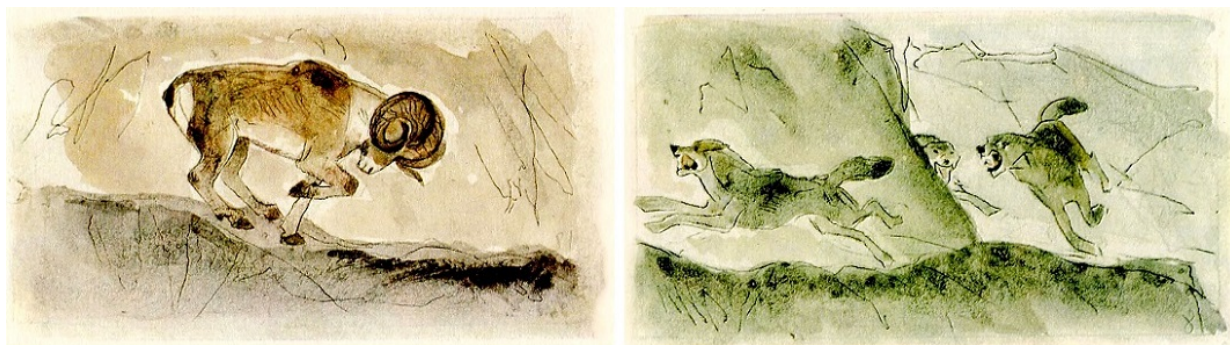
Ли стоял на своём посту. После короткого ожидания он увидел Крэга в расстоянии одной мили, с лёгкостью прыгавшего вниз по скалистому гребню. Его сопровождали три овцы. Вскоре они скрылись в расселине, поросшей соснами, и когда снова показались по другую сторону гребня, было видно, что они бежали, охваченные тревогой, прижав уши назад. А из расселины, позади них, доносились какие-то звуки. Но нет, это не треск карабина, как ожидал Ли, не голос Скотти, — это был вой волчьей стаи.

Посреди скал овцы могли бы легко уйти от преследования. Но когда кругом были деревья, а впереди ровный склон горы, все преимущества были на стороне волков, которые скоро показались в виду — пять больших косматых животных. С стремительной быстротою они неслись по открытому горному склону: далеко впереди Крэг, позади него, одна за другою, три овцы, а в шагах сорока от последней из них — пятеро свирепых волков, приближаясь и настигая их с каждым скачком. К востоку нагорье суживалось и переходило в

скалистый кряж. Долгие годы и бесчисленные опасности научили овец, что только среди скал было для них верное убежище. И они мчались к скалам вслед за вожаком. Но одна из овец оступилась, зацепившись ногою за корень в зарослях березняка, и это заставило её потерять несколько драгоценных мгновений. Волки были почти на расстоянии одного прыжка, когда Крэг достиг скалистого кряжа, который с обеих сторон круто обрывался в пропасть.

В один миг на тревожный призыв овец Крэг обернулся мордой к врагу.

Он стоял теперь посреди узкого утёса, с одной стороны которого возвышался гранитный утёс, а с другой — была бездна. Овцы проскочили мимо него и побежали дальше, а по пятам за ними следовали волки с торжествующим воем. Немало им пришлось на своём веку зарезать овец, и теперь они предвкушали поживу. Без малейшей задержки они перешли в нападение. Но в таком узком месте можно было действовать только поодиночке. Передовой волк сделал прыжок, но его смертоносные клыки наткнулись на крепкие рога. Потом какая-то страшная сила придавила ему голову и отбросила его назад на другого волка с такой стремительностью, что оба покатались в пропасть. Остальные трое продолжали нападение. Баран не имел времени разбежаться, чтобы напасть самому, но его голова, снабжённая страшным оружием, была достаточной защитой. Один за другим два волка были придавлены и сброшены в пропасть. Тогда Крэг получил возможность отступить немного назад и собрать свои силы.

Кто угодно, только не взбешённый волк, способен понять угрозу. Он бросился в атаку по примеру своих погибших товарищей, и Крэг снова пустил в ход свою живую молнию — свои чудовищные рога — и встретил последнего косматого врага таким ударом, который

совершенно приплюснул его к скале. Затем, как какую-нибудь тряпку, он вздел его на рога и швырнул в пропасть. И, стоя на краю, следил, как он крутился в воздухе и падал всё ниже и ниже, пока не скрылся из виду.

Баран поднял свою великолепную голову и, раздув ноздри и фыркая, как боевой конь, посмотрел вперёд, нет ли ещё какого-нибудь врага. Потом повернулся и лёгкими прыжками последовал за своими овцами.

Молодой Ли горящими глазами наблюдал за всей этой сценой из своего тайника, на расстоянии всего лишь пятидесяти шагов. Баран был для него лёгкой целью — весь на виду, в пятидесяти шагах. О такой цели старый Скотти и не мечтал. Но Ли увидел в этот день подвиг, который заставил сильнее биться его сердце. *Такую* жизнь оборвать у него не было желания! И он остался сидеть на месте, воскликнув с жаром:

— Великий воин! Я прощаю тебе гибель моих собак. Как ты прекрасен! Моя рука не подыметя на тебя.

Но Крэг никогда этого не узнал. А Скотти никогда бы не понял этого.

XVI

Прошли годы. Многие охотники видели Крэга и жадными глазами смотрели на его удивительные рога. Слава о нём донеслась до больших городов. Любители редкостей назначали баснословную цену за его голову, только потому, что она была украшена такими рогами, — цена жизни ни в чём неповинного животного! Многие пытались своё счастье в этом деле и всегда безуспешно. Наконец Скотти, который постоянно нуждался в деньгах, соблазнулся предложенной ему суммой и, в сопровождении ещё одного охотника, возобновил погоню за бараном. Но им только один раз удалось увидеть его вдалеке, окружённого своим стадом, а затем, в течение трёх дней горячего преследования, они так и не могли подойти к нему ближе. В конце концов спутник Скотти заявил, что «деньги можно заработать как-нибудь иначе», и отправился домой.

Но в серых угрюмых глазах Скотти была искра упорства и настойчивости — тех самых качеств, которые сделали человека хозяином земли. Он также вернулся в свою хижину, но только для того, чтобы подготовиться к долгой и беспощадной охоте. Карабин, одеяло, трубка, спички и табак, горшок для воды, мешок с вяленой дичью да три или четыре фунта шоколада — было всё, что он взял с собою.

На следующий же день он вернулся один к тому месту, где они были накануне, и быстро пошёл по следам барана, которые кружили в снегу, покрытые следами его стада, но всё же отчётливо выделяющиеся своими размерами. Раз или два Скотти находил места, где стадо недавно делало привал, и время от времени осматривал окрестности в подзорную трубу. Но ему так ничего и не удавалось увидеть. Ночь он провёл на высотах и, чуть забрезжило утро, двинулся дальше. Через несколько часов пути он достиг места, где по всем признакам Крэг останавливался, чтобы наблюдать издали за своим преследователем, о присутствии которого он, конечно, знал. Отсюда след его стада вытянулся в одну длинную линию и шёл к отдалённым нагорным пастбищам.

Днём Скотти упрямо, как охотничья собака, продвигался вперёд по следу, а ночь провёл в маленькой скалистой пещере. Он был похож

на дикого зверя, лежащего в берлоге, с одной лишь разницей: перед ним был костёр и он курил трубку совсем по-человечески. Утром он опять пустился в путь. Несколько раз он видел вдалеке стадо овец, уходившее от него к югу. Ещё один день прошёл, и овцы были загнаны к южной оконечности Якиникекского хребта.

К югу от них тянулась степь, сжатая горами и имеющая форму полумесяца, к востоку — волнистое нагорье, вплоть до северного рукава реки Флэтхэд, а с севера за ними гнался по пятам их упорный, смертельный враг. Овцы колебались, куда направиться, и когда старый Крэг повернул назад и попытался незаметно провести своё стадо по отрогам восточного склона гор, он услышал треск выстрела, и пуля коснулась одного из его рогов и обожгла ему плечо.

Этот выстрел взволновал Крэга. Он оглянулся и подал сигнал, который на нашем языке значит: «Спасайся, кто может!» — и стадо рассеялось в разные стороны. Но Скотти охотился только за старым Крэгом, остальные ему не были нужны. И, когда баран помчался прямо вниз по восточному склону, Скотти опять, бранясь и задыхаясь, последовал за ним.

До реки Флэтхэд оставалось всего лишь несколько миль. Крэг перешёл на лёд и, придерживаясь шероховатых мест и снежных бугров, меняя направление в зависимости от перемены ветра, в течение целого дня продолжал свой бег на северо-восток. А Скотти по-прежнему шёл по его следам.

На пятый день они проходили мимо озера Терри. Скотти хорошо знал местность. Баран бежал теперь прямо на восток и должен был очутиться в ущелье, заканчивающимся тупиком, откуда он имел бы только один выход — повернуть обратно. Скотти оставил след и, перейдя прямо на север, к тому скалистому обрыву, под которым Крэг неизбежно должен был пройти, стал ждать его возвращения.

Но вдруг поднялся западный ветер — «чинук», как его называют в Скалистых горах, ветер, приносящий туманы и снежные метели. Лишь только он задул, в воздухе закружились белые хлопья, и через каких-нибудь полчаса разразилась настоящая снежная буря. В двадцати шагах не было ничего видно. Буря продолжалась недолго, всего лишь несколько минут, потом она начала понемногу ослабевать, а через два часа небо снова очистилось. Скотти прождал ещё один час, но безрезультатно. Тогда он покинул свой пост и стал осматривать местность. И нашёл неподалёку ряд характерных ямок — бараньих следов, — местами покрытых свежевypавшим снегом, местами отчётливо заметных там, где сверху они были защищены нависшим утёсом. Крэгу и на этот раз удалось его обмануть: он незаметно выбрался из ущелья под покровом снежной бури.

XVII

Скотти пришёл к заключению, что в смелом переходе Крэга на восточный берег реки Флэтхэд должна была скрываться какая-нибудь цель. Цель эта была ясна — баран хотел достигнуть возвышенностей, окружающих озеро Кинтла, на которых его часто видели раньше. Пока дул чинук, баран мог в течение всего дня двигаться на запад, но, если ветер за ночь переменится, он, конечно, повернёт на восток. Рассудив таким образом, Скотти перестал держаться следа, а пошёл кратчайшим путём, по водоразделу, к озеру.

Ночью ветер действительно переменился. И на следующий день, когда Скотти осматривал сверху обширную долину, отделяющую его от озера, он увидел далеко внизу какое-то движущееся пятно.

Он тотчас скрылся из виду и побежал наперерез четвероногому путешественнику. Но лишь только он достиг намеченного места и осторожно осмотрелся, там, в пятистах шагах впереди него, на

ближайшем холме, стоял не кто иной, как сам знаменитый Крэг. Оба были друг у друга как на ладони. С минуту Скотти стоял и смотрел молча. Но затем разразился речью:

— Ладно, старина Крэг! Видишь череп и кости на моём ружье? Я — твоя смерть. Ты от меня не уйдёшь! Как ни вертись, а рога будут моими. Сейчас попробую разок на счастье.

Он поднял карабин и выстрелил, но расстояние было слишком значительно. Баран стоял неподвижно, пока не увидел дымок. Тогда он быстро отскочил в сторону, и пуля ударилась в снег недалеко от того места, где он только что стоял.

Крэг повернулся и побежал на восток вокруг гористого южного берега озера, направляясь к главному водоразделу, а вдалеке позади него неизменно тащился Скотти. К его необычайной выносливости присоединялось ещё упрямство, свойственное его расе, непоколебимая решимость, которая заставляет стремиться к намеченной цели уже

после того, как благоразумие или чувство чести отвергли эти попытки. Это упорство ослепляет человека и ведёт его зачастую к гибели, а он, поверженный, всё ещё пытается нанести удар победителю и погибнуть вместе с ним.

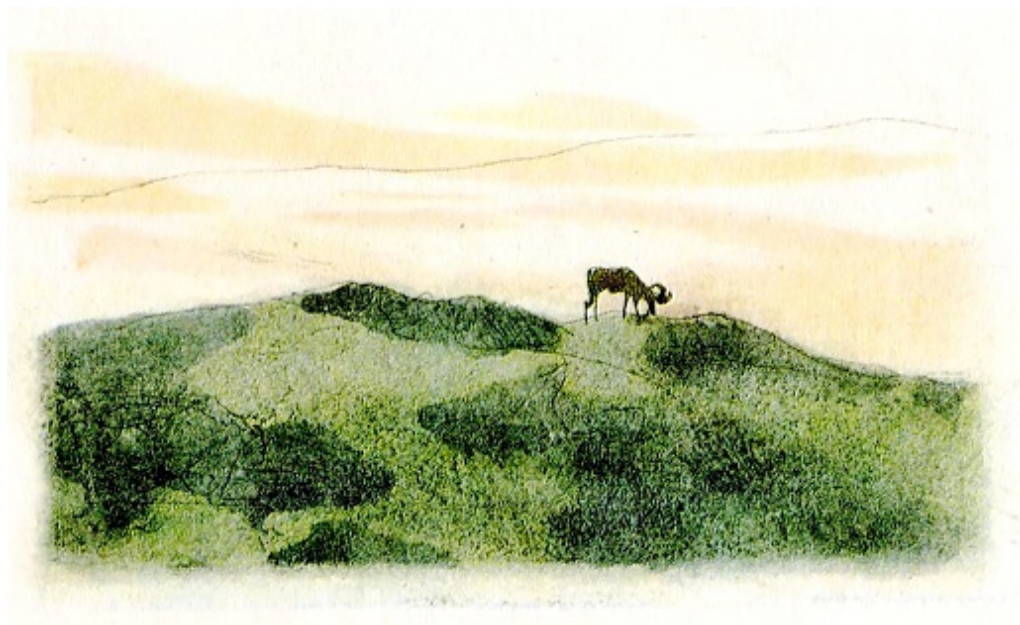
Снова весь день прошёл в погоне. Затем — ночлег, и наутро Скотти был уже опять на ногах. Иногда ему было легко отыскивать след, иногда он терял на это немало времени, когда след бывал занесён свежеснеженным снегом. Так проходил день за днём, и Скотти часто видел впереди барана, но никогда не мог подойти к нему достаточно близко. Баран, казалось, понял, что карабин бьёт только на пятьсот шагов, и подпускал к себе человека не ближе этого предела. По-видимому, он даже пришёл к заключению, что так лучше: иметь охотника за собою и, по крайней мере, знать, где он находится. Однажды Скотти почти удалось подкрасться к нему на расстояние выстрела, но западный ветер вовремя предупредил Крэга о грозящей ему опасности. Это было в первый месяц охоты. Впоследствии Крэг никогда не выпускал охотника из виду.

Почему бы ему не умчаться вперёд, оставив охотника далеко позади? Потому что ему нужно было питаться. Человек имел с собою запас сушёной дичи и шоколада, достаточный на много дней.

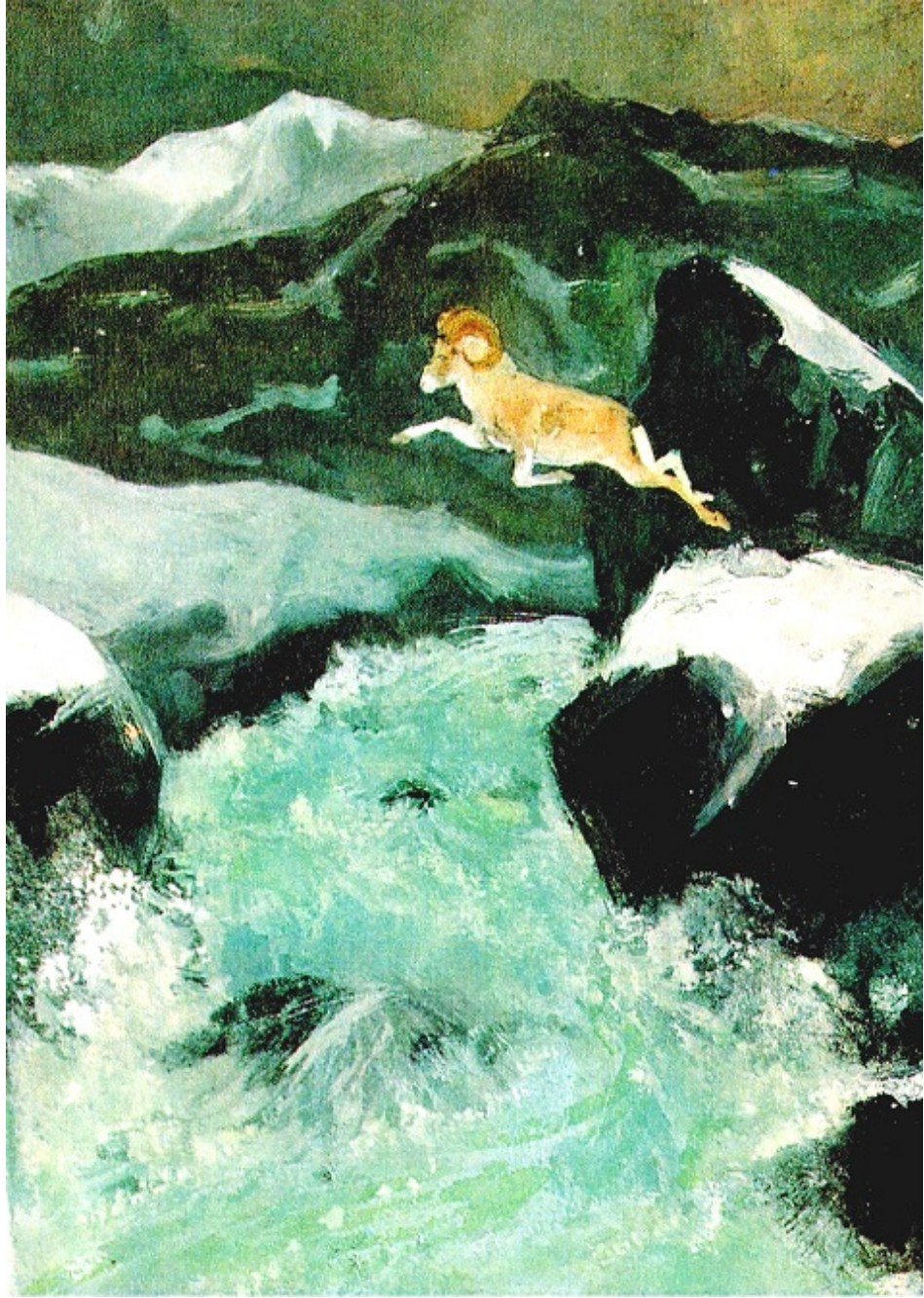
Если бы этот запас вышел, он мог бы застрелить зайца или глухаря, быстро изжарить и довольствоваться этим целый день. Но баран должен был часами разыскивать скудную траву под снежным покровом. Долгое преследование уже сказалось на нём. Его глаза блестели по-прежнему, его движения были так же уверенны и прекрасны, как и раньше, но его живот ввалился, и голод, изнуряющий голод, подтачивал его силы.

Пять долгих недель продолжалась погоня, и единственной передышкой для Крэга бывали те короткие часы, когда снежная буря налетала с запада и опускала между ними снежную завесу. Затем, в течение двух недель, оба шли, не теряя друг друга из виду. По утрам Скотти, вылезая, как волк, из своей холодной норы, громко кричал: «Ну, Крэг, пора двигаться!» И баран где-нибудь на отдалённом гребне вызывающе топал ногами и тотчас, держа нос на ветер, пускался в путь, то ускоряя, то замедляя бег, но всегда держась на расстоянии не менее пятисот шагов от охотника. Когда Скотти садился отдыхать, баран искал себе пищу. Если Скотти прятался, баран в тревоге бежал к тому месту, к которому нельзя было приблизиться незамеченным. Если Скотти долго оставался неподвижным, баран напряжённо следил за ним и также не двигался с места.

Однообразно протянулись десять недель. Между охотником и животным установились странные отношения. Крэг так свыкся со своим положением, что признавал Скотти как неизбежное, почти необходимое зло. Однажды утром, когда Скотти только что поднялся и осматривал местность к северу, отыскивая барана, он услышал продолжительное фыркание далеко позади себя и, обернувшись, увидел старого Крэга, нетерпеливо поджидавшего его. Ветер переменялся, и Крэг переменял направление, но не хотел двигаться в путь без своего неизменного спутника. В другой раз Скотти потерял два часа на переход через горный поток, который Крэг одолел одним прыжком. Когда он с большим трудом достиг, наконец противоположной стороны, он услышал знакомое фыркание и, оглядевшись, увидел, что Крэг вернулся узнать причину его задержки.

XVIII

Так в течение зимы они прошли всю главную горную цепь, начиная от Кутенейских высот, через горный проход Воронье гнездо, к западу против ветра, потом прямо на юг, к хребту Макдональда, и вперёд, вперёд, до горы Гэльтон. День за днём одно и то же: два движущихся тёмных пятна на безграничной снежной поверхности. Неоднократно их путь переходили другие овцы и бараны и другие охотники. Однажды им встретилась партия рудокопов, которые слышали о Скотти и его охоте и стали подзадоривать его криками. Но он только тупо осмотрелся в их сторону и прошёл мимо, не обращая на них внимания. Несколько раз Крэг пытался скрыть свои роковые следы в следах какого-нибудь проходившего перед ним стада. Но Скотти не так легко было обмануть. Все затруднения он преодолевал, благодаря своему упорству и неутомимости, и всё меньше и меньше было перерывов в его погоне. Снежные бури прекратились вместе с западным ветром, и природа, казалось, вступила в полосу успокоения.

Дальше, всё дальше они пробирались, держась всё на том же неизменном расстоянии друг от друга. На обоих уже лежала печать времени и смерти. Оба худели со дня на день, и глаза их ввалились. Волосы охотника побелели с тех пор, как он пустился в эту безумную погоню. Посерели голова и плечи барана, и только глаза ещё не утратили своего янтарного блеска, и прежними оставались его великолепные завитые рога, которые он так же гордо носил, как и в первый день охоты.

Каждое утро человек вставал со своего жёсткого ложа, полузамёрзший и голодный, но яростный, и крался вдоль скал, стараясь подойти к барану на расстояние выстрела. Но Крэг всегда предупреждал его вовремя и, вскочив из своего ночного убежища, шёл вперёд, ведя за собою охотника. Третий месяц был уже на исходе, когда они направились обратно от хребта Гэльтон в область Табачного ручья и затем к востоку, держа направление на Гендер-Пик.

Здесь, на месте рождения Крэга, они сделали остановку: Скотти на одном гребне, баран — в шестистах шагах дальше, на следующем. В течение двенадцати долгих недель Крэг вёл за собою охотника через снега и горные цепи — пятьсот миль тяжёлого пути! И снова они

вернулись обратно к исходной точке своего путешествия, потеряв каждый по крайней мере половину своей жизни за этот короткий промежуток времени. Скотти присел на камень и закурил трубку. Крэг поспешил воспользоваться этим и стал искать траву. Пока человек находится в виду, баран не покинет своего места на гребне. Скотти это отлично знал на основании долгого опыта. И вот, пока он сидел и покуривал, какой-то злой дух внушил ему хитрый план.

Он выколотил из трубки недокурный табак и спрятал её в карман, затем нарезал несколько прутьев с карликовых берёз и стал собирать камни, а баран издали наблюдал за его движениями. После этого Скотти перебрался на самый край скалы и при помощи прутьев, камней и части своей одежды соорудил чучело, которое должно было изображать его самого. Держась под прикрытием чучела, он стал пятиться назад и скрылся за краем скалы. Целый час он карабкался и крался, пока не достиг скалистого откоса позади барана.

Крэг всё ещё стоял на месте, величественный, как бык, изящный, как олень. Его рога широко закручивались над головой, подобно грозовым тучам над горной вершиной. Он внимательно разглядывал чучело, удивляясь, почему его враг так долго остаётся в неподвижности. Скотти был теперь на расстоянии трёхсот шагов от него. Позади Крэга виднелись невысокие утёсы, а впереди была открытая снежная площадка. Скотти лёг ничком и обсыпал всю свою спину снегом. Потом прополз двести шагов, не останавливаясь и не спуская глаз с головы барана. Старый Крэг по-прежнему смотрел на чучело, изредка выражая своё нетерпение топотом передних ног. Один раз он оглянулся. Он мог бы легко заметить подползавшую к нему смерть, но его правый рог роковым образом заслонил собою врага.

Всё ближе и ближе, под защиту утёсов, подползал охотник. Наконец, укрывшись за ними, он мог отдохнуть и осмотреться. Баран был теперь от него на расстоянии не более пятидесяти шагов. В первый раз в своей жизни он увидел так близко эти знаменитые рога. Он видел широкие плечи барана, красивый выгиб шеи, всё ещё толстой, несмотря на изнурение животного. Он видел, как это великолепное животное выпускало сквозь трепетавшие ноздри горячее дыхание жизни. Он даже мог уловить отблеск живого огня в этих ясных янтарных глазах. Он всё это видел... но медленно и спокойно поднял к плечу карабин!

Крэг продолжал стоять на месте как зачарованный, следя за своим неподвижным врагом по ту сторону оврага.

Поднялся карабин, никогда не дававший осечки, направляемый глазом, никогда ещё не ошибавшимся! Но рука горца, которая не дрожала раньше, убивая людей, дрогнула, как будто он был чем-то испуган.

Два мира, две различные природы сошлись.

Лицо охотника было спокойно и сурово, к руке вернулась её твёрдость. Грянул выстрел, и Скотти спрятал голову: так необычен был отзвук его в скалах. На отдалённых камнях послышался шум, затем как будто протяжное храпенье. Но он не смотрел туда и не двигался. Через две минуты всё стихло, и он боязливо приподнял голову. Не ушёл ли баран? Или что ещё могло случиться?

Там, на снегу, лежала неподвижно громадная серо-коричневая масса, и с одного её конца, как кольца двуглавой гидры, виднелись удивительные рога — история пятнадцати лет великолепной жизни. Концы их, уже сильно истёртые, были когда-то теми маленькими рожками, которые приносили ягнёнку победы в его битвах. Далее шли годы могучего роста, отмеченные широкими кольцами, год болезни и след первой любовной схватки на кольце пятого года. На закруглённых концах рогов погибло немало волков. И о многом ещё говорили эти кольцеобразные наросты на рогах, свидетели целой жизни.

Скотти медленно подошёл к поверженному животному, с каким трудом завоёваны эти рога! Но он смотрел не на них, а в жёлтые спокойные глаза Крэга, открытые и ещё не омрачённые смертью. Охотник чувствовал холод во всём теле и не мог понять своего странного состояния. Напряжение, к которому он принуждал себя в течение нескольких месяцев, наконец оборвалось. Он присел на камень, повернувшись спиной к рогам, и попробовал жевать табак. Но во рту было сухо, и он тотчас выплюнул его. Ему было не по себе.

Слова имели мало значения в его жизни. Он умел только ругаться. Другого способа излить свои чувства он не знал. Но ругаться ему не хотелось.

Долго он молчал, потом произнёс: «Я бы вернул это ему, если бы мог».

Он посмотрел вдаль, и взгляд его упал на оставленную им верхнюю одежду. Тогда он сообразил, отчего ему холодно, и перебрался через овраг, чтобы собрать свои вещи. Вернувшись и снова подойдя к рогам Крэга, Скотти посмотрел на поверженного могучего красавца, все повадки которого он хорошо изучил за время многодневной непрерывной погони, и острое, до сих пор не испытываемое с такой силой чувство раскаяния овладело им, вызвало резкую душевную боль. Он развёл огонь. Затем, почувствовав себя лучше, снял шкуру с шеи барана и отрезал его голову. Это была привычная работа, и он проделывал её механически, вырезая себе куски мяса, достаточные для утоления голода. Потом, согнувшись под тяжестью своей добычи, — тяжестью, которая была бы ему едва заметна ещё три месяца тому назад, — он двинулся в обратный путь. Старый, худой, поседевший и угрюмый, он теперь медленно плёлся вниз к хижине, покинутой им двенадцать недель тому назад.

XIX

— Нет! Ни за какие деньги не отдам их.

И Скотти сумрачно отворачивался, прекращая всякие разговоры на эту тему. Он подождал некоторое время, пока набиватель чучел выполнял его заказ, потом пустился в обратный путь через горы к своему уединённому жилищу, находившемуся в трёхстах милях от города. Он снял покрывало и повесил голову Крэга на самом светлом месте. Работа была исполнена превосходно: не только рога, но даже удивительные золотистые глаза животного остались неизменными. И когда прихотливый солнечный луч придал им выражение живого взгляда, горец почувствовал себя так же плохо, как тогда на утёсах, и поспешил снова накинуть покрывало на голову животного.

Те, кто знали его ближе, рассказывали, что он так и не снимал покрывала с головы барана и не любил, когда кто-нибудь заговаривал с ним об этом. Только одному человеку пришлось быть свидетелем, как он однажды открыл эту голову и, по словам рассказчика, «смотрел на

неё, как сумасшедший». Единственное, что от него слышали об этом, было: «Рога — мои. Он теперь никогда не отвяжется от меня».

Прошло четыре года. Скотти, известный теперь под именем «старика Скотти», прекратил с той поры всякую охоту. Безумная трёхмесячная погоня окончательно подорвала его силы. Он продолжал жить безвыходно возле этих рогов, стоивших огромные деньги, в полном одиночестве. Все считали его помешанным.

Однажды, в глубокую зиму, в хижину Скотти забрёл его старый товарищ. Их дружеская беседа затянулась на много часов, но, по обыкновению, не отличалась многословием.

— Я слышал, что ты убил большого барана с Гендер-Пика.

Скотти кивнул головою.

— А покажи-ка его, Скотти!

— Смотри сам, — и старик мотнул головою в сторону закрытого покрывалом предмета, висевшего на стене.

Гость сдёрнул покрывало. И вскрикнул от удивления и восторга. Но Скотти молчал. Однако он тоже решился посмотреть. Пламя очага бросало красноватый отблеск на стеклянные глаза, придавая им выражение живого гневного взгляда.

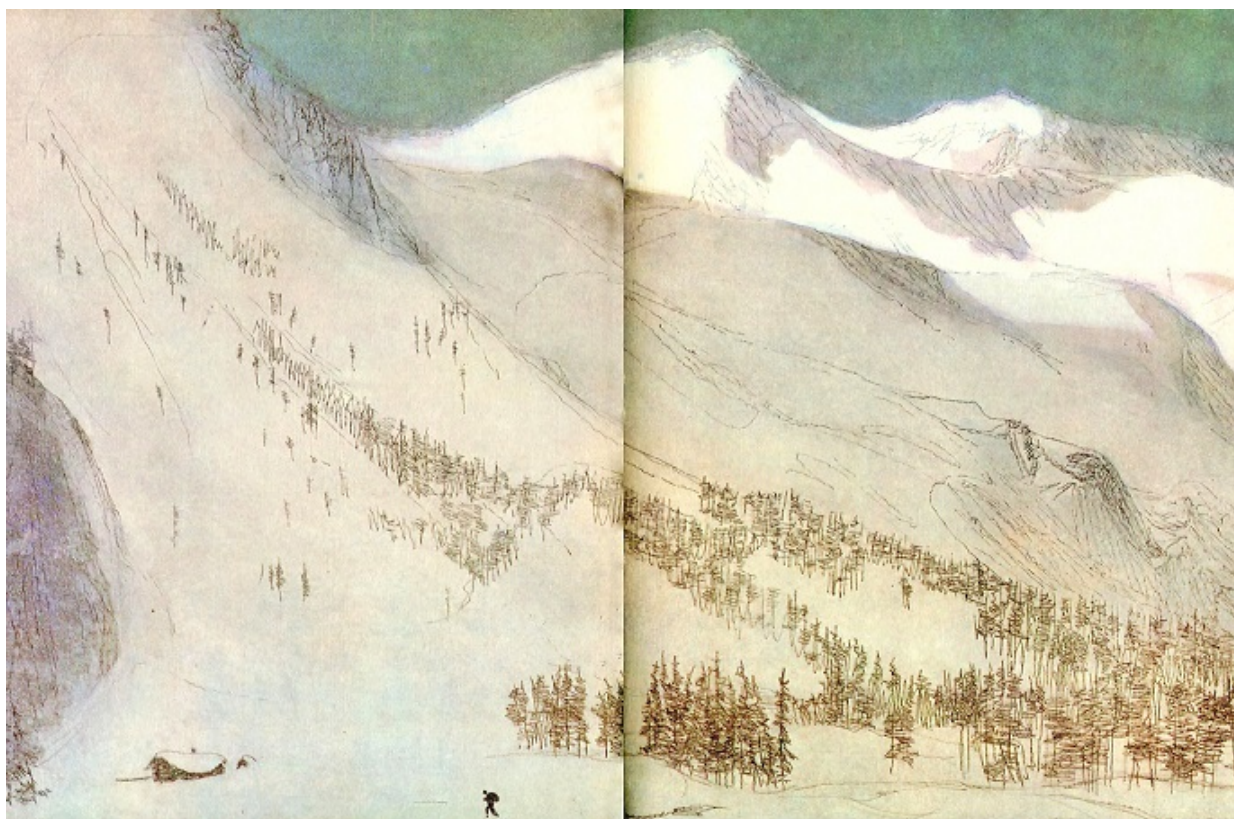
— Закрой его, если насмотрелся, — сказал Скотти и снова отвернулся, не выпуская изо рта трубки.

— Скажи, Скотти, почему ты не продашь его, раз он тебе так надоел? Один господин из Нью-Йорка просил тебе передать, что он бы заплатил...

— К чёрту всех! Я никогда его не продам, никогда с ним не расстанусь. Я шёл за ним, пока его не прикончил, а теперь он идёт за мною, пока не добьётся своего. Все эти четыре года он не давал мне покоя. Он сломал меня в этой проклятой охоте. Он сделал из меня старика. Он довёл меня почти до сумасшествия. Теперь он высасывает

из меня жизнь, но ещё не совсем покончил со мною. Ты думаешь, здесь только одна его голова? А я скажу тебе, что, когда ночью дует чинук, я слышал такие звуки, которые не похожи на простой ветер. Я слышал его самого, точь-в-точь как в тот день, когда он испускал дух через ноздри, а я лежал ничком перед ним. А если я встану и выйду, он тут как тут — вправо, у Табачного ручья.

Утром всё ещё шёл снег, но гость поспешил покинуть хижину, и Скотти остался один. Весь день гулял белый ветер, и снег всё время усиливался. Всё выше и выше нагромождались сугробы, округляя зубчатые скалы, выравнивая трещины и овраги. А ночью чинук разгулялся ещё больше. Он пел свою боевую песнь, торжествующую песнь белого ветра:

Я — ветер, я — веющий, строящий ветер, —
Разрушу и вновь создаю.
Крутитесь, снежинки, послушные дети!

Исполните волю мою!

И там, и здесь, по приказу ветра, великие дела совершались в горах. Разрушались старые формы и создавались новые. Озёра стирались с лица земли и возникали вновь. Вестники жизни и смерти рассеялись всюду. Лавина скатилась с Пэрсел-Пика и обнажила под обрушившимися скалами золотые жилы.

Другая лавина загородила русло горного потока, чтобы повернуть его воды в сухую бесплодную долину. Вниз, вниз, по крутым склонам катилась лавина, то сметая начисто лес, загородивший ей путь, то с треском обрушиваясь с уступа на уступ, то перекатываясь через

встречные утёсы. Вниз, вниз, всё быстрее и ужаснее, она налетела по пути на маленькую хижину Скотти, снесла и поглотила её со всем тем, что в ней находилось.

Над скалистым нагорьем зарождалась весна. Долина Табачного ручья оживилась, и дожди понемногу смывали большие белые кучи, оставшиеся от снежной лавины. Медленно, по частям, выходили на свет обломки старой хижины. И посреди них, совершенно неповреждённая, показалась голова кутенейского барана. По-прежнему блестели янтарные глаза под его удивительными рогами. А немного поодаль виднелись переломанные кости, покрытые лохмотьями, и клочья седых человеческих волос.

Старый Скотти давно забыт, но голова Крэга висит и посейчас на стене одного дворца, как одно из его лучших сокровищ. И те, кто смотрят на эти редкостные рога, вспоминают до сих пор славного барана с Гендер-Пика, который носил их на далёких Кутенейских высотах.

84ron.

Об издании

Э. Сетон-Томпсон
КРЭГ — КУТЕНЕЙСКИЙ БАРАН

Для младшего школьного возраста

Перевод с английского
под редакцией Ник. Чуковского

Художник *Г. Никольский*

Редактор *Е. Рыжова*
Художественный редактор *Л. Розова*
Технический редактор *Т. Щептева*
Корректоры *С. Блакштейн* и *Н. Пьянкова*

Сдано в производство 25/VII-73 г. Подписано в печать 19/II-74 г.
Тираж 150 000. Цена 84 коп.

**Для младшего школьного
возраста**

Э. Сетон-Томпсон

КРЭГ—КУТЕНЕЙСКИЙ БАРАН

Перевод с английского
под редакцией Ник. Чуковского

Художник Г. Никольский

Редактор Е. Рыжова. Художественный редактор
Л. Розова. Технический редактор Т. Щептева.
Корректоры С. Бланкштейн и Н. Пьянкова.
Сдано в производство 25/VII—73 г. Подписано в пе-
чать 19/II—74 г. Бумага офсетная № 1. Формат
70×90^{1/16}. Печ. л. 7 Усл. печ. л. 8,2. Уч.-изд. л. 7,57.
Тираж 150 000 (1—75 000). Изд. № 640. Цена 84 коп.
Заказ 2694.

Издательство «Малыш» Государственного комитета
Совета Министров РСФСР по делам издательств, по-
лиграфии и книжной торговли.
Москва, К-55, Бутырский вал, 68.

Ордена Ленина типография «Красный пролетарий»,
Москва, Краснопролетарская, 16.

С $\frac{70802-098}{M102(03)-74}$ 92—74

© Илл. Издательство «Малыш» 1974